

Валерий Большаков

Целитель-11

Валерий Большаков

Целитель-11

«Автор»

2023

Большаков В. П.

Целитель-11 / В. П. Большаков — «Автор», 2023

Шпионские страсти никак не минуют Мишу Гарина. Напротив, ставки растут. Разворачивается гонка вооружений, в которой СССР ведет. Множатся конфликты, наивысшего накала достигают кризисы в Иране и Польше, и уже самые хладнокровные люди всерьез готовятся к "ядерной ночи" и "ядерной зиме"... А Миша мечется, не зная, что или кого ему спасать. СССР? Мир? Или любимую женщину - и еще не рожденную дочь?

© Большаков В. П., 2023

© Автор, 2023

Валерий Большаков

Целитель-11

Глава 1.

*Понедельник, 10 сентября. День
США, Вайоминг, ранчо Джексон*

Хребет Гранд-Тетон вставал за высокорослыми елями, дыбился величественной скалистой громадой, подступая к синему небу. И лес, и горы хранили тишину, лишь река шумливо выгибалась излучиной, пронося чистые воды, прозрачные до самого дна.

Нетронутая, не загаженная цивилизацией земля Америки...

«Последний клочок!» – усмехнулся Дэвид.

– Редко здесь бываю, джентльмены, – проворчал он вслух. – А жаль! Здесь всё, как при деде... Такое впечатление, что фургон только-только остановился, и переселенец – такой, знаете, продубленный солью! – вкапывает в землю колесо...

– ...А в тенте конестоги трепыхается пара индейских стрел! – с ехидцей подхватил Генри.

– Да нет, – миролюбиво улыбнулся Дэвид, – краснокожие деда не трогали. Говорят, тут даже семья шайенов прижилась – вон там их типи стояли, за речкой...

Внимательно следивший за ним Джейкоб кивнул понимающе.

– Припадаете к истокам? Мне это знакомо...

– Время – деньги, джентльмены! – нетерпеливо буркнул Генри. – Простите за грубость, но из нас троих серьезно пострадал один я, потому и нервничаю. Мой банк просел оч-чень основательно, год уйдет лишь на то, чтобы сгладить потери!

– Вот потому мы и здесь! – весомо сказал хозяин ранчо, шлепнув ладонью по старой столешнице, выскобленной дожелта. – То, что случилось с вами, Генри, может произойти с каждым из нас! «Координатор» обнаглел до крайней степени! Раньше его рекомендации касались только бизнеса, и мы им следовали...

– ...Потому что нам это было выгодно, – вставил Джейкоб.

– Именно! – разгорячился Дэвид. – Но какое ему дело до наших политических взглядов? Проплатим ли мы президентство Ронни Рейгана, или Джимми Картера – это наш выбор! Да с какой стати мы вообще должны кому-то подчиняться?! Что за бред? Зачем мне терпеть кого-то над собой?

– О! – Генри вскинул палец, указуя в низкий потолок. – Сто лет назад была свобода, Дейви! Гарриман, Вандербильт, Карнеги – вот настоящие короли!

– Вот и давайте вернем нашу свободу! – перехватил инициативу Дэвид. – Свергнем «координатора» – и заживем! Так, как хотим мы, а не самозванный властелин мира!

Генри сразу поскуачел, а Джейкоб поинтересовался с цепкой осторожностью:

– Вы предлагаете стать на тропу войны, Дэвид?

На какие-то считанные мгновенья застыла тишина. Почудилось даже, что донесся клекочущий, тоскливый крик грифа-стервятника, вившего круги над долиной Джексон-Хоул.

– Да! – резко вытолкнул Дэвид. – Что-то мы потеряем, но, когда одержим победу...

– Если одержим! – фыркнул Генри.

– ...Когда мы победим, – упрямо договорил хозяин, – то с лихвой возместим утраты. И править будем сами! Что скажете?

Джейкоб, задумчиво глядевший за окно на далекие горы Тетон, ответил, не поворачивая головы:

– Я согласен.

Генри оскалился.

– Знаете, джентльмены, что было ненавистнее всего? Вовсе не миллиардный ущерб, а унижение! Меня, как щенка, ткнули в дерьмо, повозили мордой... – задохнувшись, он смолк, а затем сказал с неожиданным спокойствием:

– Согласен!

Вторник, 11 сентября. Полдень

Гданьск, аллея Ленинградская

Новенький внедорожник всё больше и больше нравился Зенкову – широкая, квадратная машина имела brutальный вид и такой же нор. Выкрашенный в защитный болотный цвет «ГАЗик» размалевали черными полосами «под тигра» – еще не бронетранспортер, но уже не «козлик». И весит тонны две, от силы, для десанта – самое то.

Мощный дизель носил «суперкозлика» и по шоссе, и по полям. Не танк, конечно, но легкая броня спасала от осколков или пуль на излете. Главное, что стекла не пробьешь – прямо «членовоз»!

За рулем сидел худущий «Кузя»; в верхний люк высунулся гибкий и верткий «Змей», держась за рукоятки ДШК; огромный «Квадрат» развалился сзади, баюкая «Стрелу-3», а сам Жека устроился рядом с водилой.

После чумазных китайских фанз и монгольских юрт, пропахших кизяком, он чувствовал себя непривычно и странно, проезжая по улицам Гданьска. Но именно обычность, окружившая Зенкова, напрягала и взводила нервы.

Правильно сказал бывалый комбат: «Тут не Азия, прапор, тут народ подлее!»

За окнами проплывала Ленинградская аллея, по левую сторону застроенная «фаловцами», в приблизительном переводе – «зданиями-волнами». С виду обычные десятиэтажные «дома-корабли», только выставленные не по линейке, а плавным зигзагом – и сразу целыми караванами. Растягиваются на полкилометра...

– Не спеши, мон шер, – буркнул Зенков недовольно. – Разогнался... Мы патруль или где?

– Виноват-с, ваше благородие, – бодро отозвался Кузьмин. – Исправлюсь!

– А по сопатке?

Сзади хихикнули. Бравый водила оскалился, а Жека, цепко обшарив глазами пустой проспект, снова уткнулся в боковое стекло, заляпанное капельками грязи.

Нет, прав майор... «Лучше перебдеть, чем недобдеть!» Нет-нет, не о том он думал... Чертов «Кузя», сбил... Во! «Пора, пора поступать!» Ну, прав же комбат?

Можно, конечно, всю жизнь в прапорах проходить, а лет через -дцать выйти в отставку с ответственного поста завсклада военчасти... Нет уж!

Навоевался он вдосталь, и опыту нахватался – будь здоров. Африка, Йемен, Ирак, Афган... Керулен можно и не считать, они там почти не воевали, так только, постреляли чуток. Зато целых две недели – отпуск!

Прапорщик мягко улыбнулся. Неясно даже, кто из девчонок больше ему обрадовался – Маша или Юлька! Была у него одна болтушка, а теперь вдвоем как насядут...

– Тащ командир! – хищно пригнулся Кобрин. – Непорядок какой-то, кричат... Вон, у того подъезда, где киоск!

Зенков углядел «тот подъезд» – и впрямь, толпа. Руками машут, орут... Команду отдавать «Кузе» не понадобилось, тот сам свернул.

– «Квадрат», «Змей» – за мной!

– Есть!

Блиндированные дверцы у «газона» широкие, тискаться не нужно – выпрыгиваешь в полном боевом. При виде советских десантников толпа притихла, но тут же зароптала снова.

– Что ше стало? – громко поинтересовался Кобрин, чье знакомство с польским языком выходило за пределы военного разговорника.

Тетки сразу завопили вразнойбой, но «Змей» умудрился-таки вычленить из ора ценную информацию.

– Мародеры! – обронил он, кидаясь к подъезду. – На третьем!

Зенков метнулся за ним, следом затопал «Квадрат».

Все квартиры в «фаловце» выходили на длиннущую общую галерею, что тянулась снаружи. Справа открывался проспект, слева пестрели десятки дверей, окрашенных в разные цвета. Отделанных деревом или оббитых дерматином.

– Номер... Да вон!

Тонкий визг донесся из распахнутой двери, тут же обрываясь жалобным дребезгом битой посуды.

– Курва маць! – рявкнул голос поглубее.

Перехватив «калаш», Зенков ворвался в квартиру. Везде валялась одежда, газеты, осколки фаянса. Маленькая перепуганная женщина жалась в углу, подобрав ноги и запахивая рваный халат, а рядом с опрокинутым столом раскинул руки здоровенный мужик с выкаченными глазами, блестящими, как стекляшки. Его клетчатая рубаша мокла кровью.

– Яцек, Яцек... – шепелявила хозяйка, рассеянно оглаживая синячище на всю щеку. Узнав русских, она пала на коленки с костяным стуком, причитая и воя: – Забили Яцка! То они забили!

Из комнаты вырвался небритый громила, габаритов не меньших, чем убиенный. В моряцком кителе, в солдатских шароварах и новеньких кедах он выглядел бродягой или дезертиром – на вторую версию указывал пистолет-пулемет «РАК», казавшийся игрушечным в огромных, мозолистых ручищах.

Наверное, первым желанием громилы было заткнуть женщину – и ствол метнулся к ней. Тут до убийцы дошло, что ненависть вторична, а первична опасность в образе русских солдат. Дезертир ощерился, разворачиваясь к дверям, но доли секунды Женьке хватило вполне.

Вышибив «РАК» ударом берца, Зенков всадил громиле коленом в вислое брюхо, и добавил «калашом» по испитой харе. Хоть и без приклада, но заехал хорошо – разбитые губы мародера брызнули красным. Удержавшись на ногах, громила взревел, и бросился вон, готовясь сшибить «Квадрата», маячившего за дверью. Сержант вежливо отшагнул – и дезертир бешеным носорогом вылетел на галерею...

На мгновенье Жеке показалось, что громила проломит бетонный парапет, но нет, тот выдержал, загудел только. Рев взвился в вой, мелькнули нелепо раскоряченные ножищи в кедах, и громадное тулово полетело вниз под яростные крики толпы.

– Я свой, я свой! – плаксивый крик вернул Зенкова на квадратные метры. – Отпустите!

«Змей» вывел из разгромленной спальни подельника громилы, тощего и несуразного мужичка в длинной ярко-красной куртке.

– Спустите! – взвизгнул подельник, согнутый в три погибели. – Я жалобиться буду!

Жека нехорошо улыбнулся.

– «Квадрат», спусти его!

– Эт-можно, – прогудел сержант.

Ухватив трепыхавшегося мужичка, «Квадрат» поднатужился, да и скинул того с галереи. Жуткий вопль оборвался, едва просверлив воздух. Толпа взревела еще пуще...

– Пошли, – буркнул Зенков.

– Пшепрошичь, пани... – виновато забормотал «Змей».

– Дзекую, дзекую – лопотала хозяйка. Синячище на ее щеке наливался багрецом.

«Пора, пора, – думал Женька, спускаясь по гулкой лестнице. – Выйду в лейтенанты, а потом... Я не я буду, если Машка не станет генеральшей!»

*Суббота, 15 сентября. День
Московская область, Щелково-40*

Полянку мы нашли идеальную. Ровная, зеленая, она выходила на опушку сосняка, но открывалась не в сторону города – пологий склон, лохматый от травы, скатывался к уютной низинке, поросшей тальником. Стоячей черной дугой ее прочерчивала безымянная речушка, вероятно, приток Клязьмы, а дальше вставали молчаливые ели в дружной компании берез, вздумавших желтеть.

– «Колючка» как раз за ними, – перехватил мой взгляд Киврин, – и КСП... Но нам же не видно?

– Значит, ее нет! – ухмыльнулся я.

– Мужчины-ы! – звонко завился голос Лизаветы. – Костер прогорает!

– Несем! – поспешно откликнулся я.

– Тащим! – закричал Володька, кое-как обхватывая целую кипу хвороста.

Похоже, что не мы первые, кто набрел на поляну – давнее кострище уберегало траву, занимая глинистую плешь, заботливо обложенную камнями. Костер лизал пламенными языками котелок, над которым священнодействовали Ядвига с Ромуальдычем. Они опускали в воду разные травы, как ведунья с ведьмаком, обнюхивая каждый листик, и степенно рассуждали о пахучем настое, по сравнению с которым «Чай индийский высшего сорта» – безвкусное пойло.

За мангалом следил Корнеев, то и дело посматривавший на Ядзю, а прочие закуски сочиняли в шесть рук Лиза, Наташа и Рита, обступив плоский, ноздреватый валун, застеленный газетами.

То, что моя девочка, моя красавица – «в положении», замечалось сразу, но живот пока не сильно уродовал стройный стан. Грации что-то живо обсуждали, поглядывая на особой мужеска полу, и хихикая.

«Бублик» пыхтел, охаживая топориком здоровенный сук, а Фейнберг растерянно топтался в сторонке.

Сгрузив дрова и улыбнувшись в ответ на благодарный синий взгляд Ядзи, я громко сказал:

– Герман, давайте расставим шезлонги!

– Давайте! – с готовностью откликнулся Джеральд. – А где...

– А вот! – я деловито потащил из багажника «Волги» легкие складные стульчики из трубчатых рамок, обтянутых брезентом.

– Э-э... – завис ученый. – Шезлонги?

– Миниатюрные! – ухмыльнулся я.

Мы окружили костер походными седалищами, и тут Витя солидно провозгласил:

– Кажись, готово!

– Кажись? – я сурово нахмурил брови. – Проверь, нету ли крови.

– А-а... – непонятливо затынул Корнеев.

– Ножом надрежь, и глянь!

– А-а! Да тут... Ага... Нету. Готово!

– К столу, товарищи! Ромуальдыч!

Вайткус торжественно звякнул стеклопосудой.

– Етта... Кому что?

– Девушкам вино, мне коньяк, – тут я не выдержал, улыбнулся коварно, – а товарищу Бергу – «Столичной»!

Алкоголь расплескался по бумажным стаканчикам, и коллектив поручил мне сказать тост.

– Я поднимаю свой... м-м... бокал вовсе не в честь великого праздника – до моего дня рождения две недели с хвостиком, а до Нового года еще больше... – нездешний «Мартель» качнулся в стакашке. – Я хочу выпить за дружбу! В наш коллектив влился Герман... Откуда он, никто не знает, это тайна... – девчонки хихикнули. – Зато всем нам хорошо известна старая истина – дружбу надо крепить! Желательно – от сорока градусов и выше. Ну, за дружбу!

– Ур-ра-а! – воскликнула Лиза, и стаканчики сошлись с коротким шорохом.

Сделав хороший глоток, я с удовольствием следил, как за стеклами очков мученически ширятся глаза Фейнберга, принявшего вызов russian vodka. Одолел-таки!

– О-о...

Ядзя с Ритой одновременно протянули свои стаканы с морсом.

– Запей, запей!

– О, сэнк ю... – Джеральда передернуло. – У-ух! Крепка, зараза!

Все рассмеялись – и набросились на закуску.

– Вить... – шепнул я, и Корнеев с готовностью пришатнулся. – Ядзя на каком месяце?

Виктор заалел, как галстук на шее юной пионерки.

– На четвертом... – вытолкнул он, рдея.

Я укоризненно покачал головой.

– Соблазнил бедную девушку, и радуется...

– Да она сама! – громким шепотом ответил Корнеев. – Еще тогда... Прямо в больнице...

Я и сам не понял, как вышло...

– Ладно, ладно... Знаем мы вас, ловеласов! Ядзя!

– А? – встрепенулась Корнеева.

Ядвига напомнила мне Инну, только не утонченную горожаночку, а в образе здоровой барышни-крестьянки, вскормленной парным молочком, да медом с пасеки, да свежайшей кабанятиной.

– Вить тебе, конечно, не напомнил о должке... – проговорил я в обличительном тоне.

– О каком? – распахнулись голубые озерки.

– Что значит – каком? – нарочито строго нахмурился я. – А кто мне компенсирует неявку на свадьбу в количестве двух поцелуев?

– Чего-чего? – завозилась Рита, поглядывая на Ядвигу, что закатилась переливчатым смехом.

Мне было понятно, что веду себя несолидно, но на что только не пойдешь, лишь бы сплотить коллектив...

– Ну, я же не был у них на свадьбе, – терпеливо растолковал я.

– Ну? – Ритины бровки начали сходиться.

– Ну, и вот. Не был... Невесту не целовал... Выходит, она мне должна три поцелуя!

– Ставки растут! – гулко захохотал Ромуальдыч.

– Верну! – пылко воскликнула Ядзя, и приложила пятерню к груди. – Клянусь! Все четыре!

– Ну, тогда выпьем...

– За любовь!

Вторая порция коньяка уняла нервный натяг, словно колки струн скрутились – и струны ослабли.

– Хорошо тут у вас, – пьяно улыбнулся Фейнберг. – Хорошо и... и всё!

– У нас, Герман, у нас!

– Да, да! – усердно закивал Джеральд. – Генерал Иванофф обещать, что скоро очень я увидал... увижу свою жену. Ее вывезли в Мексику, оттуда на Карибы... Самолетом в Касабланку... Сейчас она в Италии...

– О, совсем рядом! – подхватил я, отставая от «новенького», и тут же пристал к Володке, спросил его громким шепотом: – Ты предложение делал уже?

– К-какое? – промямлил Киврин, хотя и он, и Наташа зарумянились одновременно.

– Руки и сердца!

– Н-нет еще... – забарахтался холостяк, пугаясь наплыва чувств. – Просто... понимаешь...

– Това-арищ Киврин! – мое начальственное сопение вышло в меру свирепым. А то я не знаю, что Володка второй месяц таскает с собой колечко с камушком! – А ну, перед лицом своих товарищей!

И наш робкий аналитик медленно встал. Деревянной походкой зомби обошел костер... Суетливо порывлся в карманах, бросил на меня панический взгляд... Нет, нашел! Маленькую корбочку, обтянутую синим бархатом...

– Наташ... Наташенька... – зазвучало в полной тишине, только костер потрескивал. – Выйдешь... за меня?

Тихое «да...» слетело с девичьих губ, как опадающий листок. Закружилось с клубившимся дымком, поднялось выше елей и унеслось к небесам, туда, где заключаются браки.

* * *

Обратно «Волгу» повела Рита. Меня не развезло, я вообще не напиваюсь, но рисковать – зачем? Тут и ехать-то... Но лучше не надо. Пусть всё будет хорошо...

Покачиваясь на переднем сиденье, я думал об этих и прочих пустяках, и с умилением глядел на водительницу. Ну, вот какая жена стерпит, чтобы его благоверного одарили четырьмя долгими поцелуями?

– Наглая такая эта Ядзя! – Рита словно подслушала мои мысли. – Ладно там, ты под хмельком, но она-то не пила! Нет, чтобы быстренько отделаться... чмоки-чмоки в обе щеки! Нет же, в губки! Да еще долго так! Хорошо, хоть Витка заснул...

– Ну, подумаешь, – ворохнулся я, – четыре разика...

– Каких четыре? Пять!

– Разве? – промямлил я.

– А вот, представь себе! И Лизка к тебе приставала, и Наташка...

– А ты?

Рита притормозила. Потянулась ко мне (я подался навстречу) и нежно поцеловала.

– Молодец, что Володе придал ускорения, – молвила она, светло улыбаясь. – Наташка счастли-ивая... А как Джеральд захорошел! – хрустальный смех наполнил салон. – Я сразу Староса вспомнила... Тоже, ведь, американцем был! Ничего же, обрусел, на человека стал похож... Ах, Мишечка! Как бы я хотела... – девичьи пальцы в волненьи переплелись с моими.

– Чего бы ты хотела? – ласково спросил я.

– Пусть хоть один год, один этот год! – вырвалось у Риты. – Пусть всё будет хорошо! И у нас, и вообще!

– Пусть! – воскликнул я, целуя Ритины пальцы.

Девушка со смехом отняла у меня руку, щелкнула рычажком переключения передач. Машина тронулась, и покатила.

Если бы я только знал, какой выдастся год впереди...

Что случится осенью, чего нам ждать зимой...

Но я улыбался в счастливом неведении. А «Волга» бодро фырчала, наматывая на колеса считанные километры, и оставляя позади прожитые секунды и минуты, в которых измеряется жизнь...

«Всё будет хорошо, – думал я назло провидению, – и даже лучше!»

Глава 2.

*Воскресенье, 16 сентября. Позднее утро
Московская область, «Заречье-б»*

«Гости съезжались на госдачу...» – улыбнулся Андропов. Все «безразмерные» черные «Зилы» не смогли разместиться во дворе, и выстроились вдоль забора. А еще охрана, все эти «лидеры» и замыкающие... Целая автоколонна получилась.

Идея вывезти Политбюро «на пленэр» пришла в голову Брежневу. Ну, а раз так, то принимай незваных, Леонид Ильич!

Председатель партии, словно мысли Ю Вэ считав, бодро проворчал:

– Ничего, Витя справится! Она у меня готовить любит...

– На такую-то ораву? – хмыкнул президент.

– Так мы ж не всем гамузом! – хохотнул Леонид Ильич. – Капитонова не будет, и Долгих, и Катусева... Даже Романов не смог вырваться, на что уж партийную дисциплину блюдет. Кунаев вторую неделю по степям носится, хе-хе... – завидев Мазурова с Пельше, он ожил. – Пойду курну, пока Витя не видит!

– Всё будет доложено, – шутливо погрозил Ю Вэ.

– Эх, чекистская твоя душа! – вздохнул Брежнев с наигранным огорчением. – Не смыслишь ты, Юра, в маленьких радостях жизни!

Хозяин дачи торопливо спустился с крыльца, закуривая сигаретку «Дукат», как бы не третью за утро. Поздоровался за руку с Суловым, и начал свой «обход» – привечал гостей, кивал офицерам из «девятки»... Поднимал людям настроение.

«А заодно поддерживал давний образ души компании», – подумал Андропов, и протянул руку подходившему Сулову.

– Михаил Андреич, я вас приветствую!

– Здравствуй, Юра, – церемонно кивнул главный идеолог.

– До меня слухи дошли, что вы на пенсию собрались? – Юрий Владимирович подпустил прищур к глазам. – А чего так?

– Пора, Юр, пора... – выговорил Михаил Андреевич, кротко улыбнувшись. – Возраст! Ну, еще годик меня потерпите... Юра... – взгляд, брошенный из-за очков, был быстр и пристален. – Это правда, что ты задумал Чаушеску сместить?

– Свергнуть, если уж на то пошло, – неловко усмехнулся президент СССР. – Уж больно зарвался «Коленька». Не знаю, был ли культ Сталина, но личность – была! А тут... Всю власть загреб под седалище, с Западом любезничает, с нами через губу разговаривает... Нет, так не пойдет! Просто... – он сменил тон на доверительный. – Понимаете, не хочется дело до вторжения доводить. Право, легче организовать переворот – в лучших американских традициях!

– Понимаю, – серьезно кивнул Сулов. – Этот... «Гений Карпат» извратил социализм не хуже «великого кормчего». А кого прочтите на... хм... вакантное место?

– Да там целая очередь! Георге Апостол, Ион Маурер, Киву Стойка...

– Пожалуй... – затянул Михаил Андреевич. – Эти не подведут, – он усмехнулся уголком рта. – По крайней мере, в первые годы! М-да... Нет, идея хороша, тут я согласен. Пообещаем восстановить Муреш-Венгерскую АО, и венгры из Трансильвании активно поддержат смену власти. Присоединим Румынию к Восточному Общему рынку... Юр, я правильно понял?

– Абсолютно, – серьезно ответил Андропов. – Восточный блок, раз уж так назвали, должен быть един и нерушим, что у Балтики, что у Черного моря.

– И у Адриатики? – тонко улыбнулся Сулов. – М-м?

– А это уже второй пункт нынешней повестки, – отзеркалил улыбку Юрий Владимирович. – Тито умер, но югославы послушно исполнили последнюю волю покойного вождя – избрали Президиум, вступили в СЭВ уже по-настоящему... Вон, даже со своим Движением неприсоединения завязали – подписали Варшавский договор! Примем, конечно... – он широко, по-мальчишески ухмыльнулся. – А как итальянцы запрыгали, стоило нашим крейсерам в Дубровнике отшвартоваться! Ничего, пусть привыкают. А вот с Албанией – проблема...

– Пронунсиаменто? – щегольнул словом Михаил Андреевич.

– Ну, а как еще? – президент сохранил серьезность. – Энвер Ходжа сам не уйдет. Албания и без того нищая, а сколько он еще начудит? Мехмет Шеху... Есть там такой – второй после Ходжи, и стоит за «примирение с братьями по социализму»...

– Вроде, подходящая кандидатура, – рассудил Сулов. – Но это мое личное мнение, Юр! Надо все хорошенько обдумать, рассмотреть варианты...

– Для того и собрались, Михаил Андреевич! – развел руками Андропов. – Для зачина, так сказать...

В дверях показалась Виктория Петровна, и певуче объявила:

– Борщ готов! Прошу к столу!

Среда, 19 сентября. Вечер

Варшава, улица Кароля Чwirжевского

Елена фон Ливен ощущала сразу и азарт, и вину. Азарт будил профессиональные навыки, вбитые многолетними тренировками, а вина разжигала злость.

Нет, «Люцина» всё понимала прекрасно – Борис просто тревожился за нее. Это льстило, это нравилось, но и сопротивление вызывало... С выбрыками.

Ну да, ну вот такая она! Не скромная домохозяйка, прячущаяся за мужниной спиной, а вольная амазонка! Да и потом, разве работа «в поле» – ее каприз? Нет же! В образ Ирены Зарембской войти больше некому, а иначе проникнуть в подполье, в недра «Солидарности» не получится.

Боже, она целый день вдалбливала Борюсику, что ничего не кончено, и гордиться победами в «тихой войне» глупо. Зачистили тысячи мерзавцев? Молодцы! Вот только их место займут миллионы! Называйте их обманутыми, жертвами манипуляций или еще как, но суть одна – на мутной волне инспирированного «народного гнева» выплывут трусоватые «умеренные», вроде Леха Валенсы, и возьмут власть. Доведут до конца план «Полония», задуманного убиенным Бжезинским.

«Ох, уж этот Збиг... – думала фон Ливен, одолевая подъездную дорогу. – Его высокоинтеллектуальная тупизна прямо завораживает неоконно...»

У небольшого особняка, выстроенного в два этажа, толклись крепкие ребята пролетарской наружности – личная гвардия председателя «Солидарности». Перед Еленой, хранившей ледяное спокойствие, парни неуверенно замялись.

– Пшепрошичь, пани... Радиофон и оружие сдаем.

«Пани Зарембска» молча рассталась с «ВЭФом», затем достала из сумочки увесистую «Беретту». Гвардейцы уважительно кивнули, и расступились.

– Проше вейшчь, пани!

И девушка вошла в приоткрытые двери.

«И куда теперь?»

По сводчатому коридору первого этажа бегали и сустились десятки людей, напоминая Смольный в октябре. Надрывались телефоны, мешалось множество голосов, стрекотали пишмашинки и шуршали ворохи бумаг.

Фон Ливен кивнула себе – «дресс-код» она просчитала верно, натянув джинсы и блузку с курточкой. Тут все так бегали – хоть в поход, хоть в народ.

Заступив дорогу взмыленному бородачу, Елена резко спросила:

– Где Лех?

Бородач, поправив очки, сползавшие с потного носа, ткнул пальцем вверх.

– Там где-то!

Второй этаж напоминал первый, та же суматоха с неразберихой, но народу поменьше. И тут в коридор стремительно вышел Валенса – усатый, взлохмаченный, в заношенных «ливайсах» и новенькой белой рубашке.

– Пани Ирена! – замаслился он улыбкой. – Прошу, прошу! Куда ж ты пропала?

– Не поверишь, – отрывисто бросила девушка, заходя в приемную. – Охотилась на Машерова с нашим толстяком!

– И где этот неугомонный? – в голосе Валенсы зазвучала натянутость.

– Утомился! Работал спецназ.

– Русские? – прищурился председатель.

– Ты не поверишь! – хохотнула «Люцина». – Жиды!

– Да-а, мне докладывали...

Лех, похоже, чувствовал себя неловко и, как будто в порыве загладить неприятную подзрительность, предложил тоном, развязным от смущения:

– А давай выпьем!

– А давай! Ух ты, – вскинула бровки Елена, – «Шато-Марго»?

– Привыкаю к буржуйской жизни! – Валенса со смешком протянул ей бокал.

– За революцию! – выдохнула девушка, не переигрывая.

– За нашу победу! – серьезно подхватил мужчина.

Выпив, он полез со слюнявым поцелуем, но Ливен отстранилась, молвив с ехидцей:

– А Доната позволяет тебе приставать к другим женщинам?

– Вечно ты все испортишь... – поморщился Лех, и тут словно некий душевный нарыв вскрылся в нем. Председатель побледнел, и в его голосе прорвались истерические нотки: – Сегодня, Ирена, все решится! Прямо вот здесь! Помнишь, ты как-то сказала, что госпереворот можно устроить лишь в одном случае – когда мы сами попадем в правительство? Помнишь?

Возможно, Валенса устраивал еще одну проверку, но рискнуть стоило.

– Всё правильно, – кивнула Елена, отставляя пустой бокал. – Будь в Польше демократия, тебя бы и без того выбрали, как Гитлера в тридцать третьем. А, раз ее нет, нужно иметь хотя бы маленькую власть, чтобы добиться большей. Вон, как Пиночет провернул. Иначе придется действовать методом Фиделя Кастро – партизанить и штурмовать!

– Всё правильно! – с жаром повторил Лех, замолк на пару мгновений, и выпалил: – Скоро сюда подъедет Ярузельский!

– Кто-о?! – изумилась фон Ливен. – Наш трусливый министр обороны?

– Да! – залучился председатель. – Мы долго друг друга обхаживали, и вот, как-то пересеклись на пустынном шоссе. Он – на «Чайке», я – на подержанном «Фиате». Короче, если все пойдет по плану, этой ночью «Железный Войцех» станет председателем Военного Совета национального спасения! Он тут же введет военное положение, интернирует Грабского и генерала Милевского, вместе с «партийным бетоном», назначит себя Председателем Совета Министров... А я, – он надулся и ткнул себя пальцем в грудь, – стану его заместителем!

– Ну, ты меня удивил... – покачала девушка головой. – М-м... Дай подумать... Войцех понял, что «Солидарность» не даст ему жить и править спокойно, и пошел на союз с тобой. Так?

– Так! – просиял Валенса.

– Но тогда возникает вопрос: а зачем, вообще, вводить военное положение, если гонять «Солидарность» не придется? И как тогда сплотить поляков? Точнее – кого назначить врагом? Коммунистов? И последнее. Что скажут русские?

– Вот! – вознес палец Лех. – Русские и есть наши враги! Разве не так? А тех, кто сомневается, мы убедим завтра! – похоже, выдержанное бордосское ударило ему в голову – лицо налилось нездоровой краснотой. – Выведем многотысячную демонстрацию – и ее расстреляют русские солдаты!

– Что за бред? – нахмурилась «Люцина», моментально уяснив подлую задумку.

– Переодетые в русских солдат! – хихикнул Валенса, наслаждаясь сладким моментом триумфа. – Но! – он вскинул толстый палец. – Учти, теперь ты отсюда выйдешь только завтра к вечеру. Изоляция касается всех, даже меня!

– Понимаю... – затянула Елена, откидываясь на спинку кожаного кресла. – Иллюзионист не выдает секрет фокуса.

– А что делать? – Валенса лицемерно вздохнул. – Люди есть люди... Кстати, вон за той дверью – душевая и биде!

– Пошляк! – поморщилась девушка.

Председатель весело, но и немного нервно захихикал.

– Послушай, Ирена... А не сыграешь ли роль моей секретарши? М-м? Я так буду выглядеть гораздо представительней!

– Договорились... – усмехнулась Ливен. – Еслистроишь меня на хорошее место, когда... хм... сместишь «Железного Войцеха».

В глазах у Валенсы разгорелись темные искры, и Елена даже немного загордилась собой, верно вычислив своего визави, бывшего работягу, а нынче – политика, матеряющего день ото дня.

– Договорились! – эхом отозвался Лех, усмехнувшись. – Доната моя хороша и на кухне, и в постели, но мне всегда нравились независимые и умные женщины...

До чего бы еще дошел разговор, неизвестно, но в этот момент широко открылась дверь, впуская «революционный» гомон – и высокого, нескладного министра обороны – в генеральском мундире и неизменных темных очках.

«Пиночет польского разлива!» – мелькнуло у фон Ливен, а в следующую секунду она вспорхнула с кресла, цепляя самую обворожительную из своих улыбок.

– Добрый вечер, пан Ярузельский! – зажурчала она. – А мы вас заждались!

Войцех слегка покраснел, смешался, но ему подсобил Валенса, направив будущего «Верховного правителя» в кабинет.

– Прощу! – небрежно обернувшись к девушке, он велел: – Подадите вина, Ирена.

– Сию минуту! – захлопотала «Люцина».

Заговорщики скрылись за дверью, а Елена быстренько выставила на поднос пару бутылок с вином и виски. Прислушалась, и закатала штанину джинсов, доставая запасной радик, прицепленный к ноге.

Переключить в режим диктофона... Готово. Памяти у «Теслы» хватит ненадолго, минут на двадцать, но запечатлеть для истории детали заговора эта электронная плашка успеет.

Порог кабинета фон Ливен переступила, стараясь не переигрывать с качанием бедер. Улыбочка...

Двое мужчин смолкли, оборачиваясь к ней, а Елена непринужденно выставила спиртное на отдельный столик. Ага, тут и буфет есть... Закуску... Подсохла закуска, да и черт с ней... Сюда ее, поближе к бутылкам... А радиопону будет удобно за резной дверцей...

Выйдя в приемную, «Люцина» мгновенно стерла улыбку.

«Думай, думай, голова... Как связаться с нашими – и не попасться? Думай, ты же у нас умная женщина...»

*Пятница, 21 сентября. Утро
Москва, площадь Дзержинского*

В Иванове будто качались весы – омахивая стрелкой дугу от облегчения до ожесточения. Хотелось и потискать Елену, утешить ее, и отшлепать. Впрочем, второе ощущение принимало уж больно игривый оттенок...

Девушка сидела напротив, забравшись с ногами в глубокое кресло. Она выглядела очень уставшей и расстроенной.

– Знаешь, – тихо сказала Елена, – я тогда понимала каждую мелочь, но все равно, витал какой-то сюр... М-м... Слишком много мерзости! Эти... демонстранты, они были такие радостные, воодушевленные... Махали дурацкими плакатами... «Да здравствует свобода!», «Русские, возвращайтесь домой!» В таком вот духе... Сотни тысяч человек, Боря! Я, конечно, не сама смотрела, а трансляцию – там, в приемной, стоял большой телевизор. Понимаю, что оператор может поработать с разных ракурсов, создавая обманчивое впечатление массовости, но снимали с нескольких точек, и с какого-то этажа Дворца Культуры и Науки тоже. Море голов! А потом вышли эти, в нашей форме... Подкатили бэтээры, они поспрыгивали с брони, и сразу начали стрелять. Веером! Длинными очередями! Люди падали, как кегли... Паника началась, давка, а эти выродки только «рожки» меняют... Двести убитыми и... Я не помню уже, сколько тысяч раненых. Ужасно... А самое ужасное, что люди-то думают на нас!

Генерал-лейтенант мрачно кивнул. Перемотал кассету, и вдавил клавишу «PLAY».

– Ваши «партизаны», смотрю, разбушевались, – послышался Ленин перевод, наложенный поверх глуховатого голоса Ярузельского, бесстрастного, чуть ли не равнодушного. – На прошлой неделе подбили три русских танка, поза-позавчера еще два...

– Да-а! – резковатый голос Валенсы сочился довольством. – Заделали мы русским козу, хе-хе... Не, они терпеть не стали, сразу десант отправили в рейд. Ну, так... Мы ж тоже не пальцем деланные! Кстати, спасибо за мины. Иначе... Нет, мы бы все равно их разделали, но слишком большие потери... А нам зачем?

– Мне доложили, что двум русским бронев автомобилям удалось вырваться...

– А! Это, которые в Тухольских борах? Да-а! Мы тогда на самих загонщиков облаву устроили, ха-ха! А этих, что скрылись... Найдем! Найдем, не пожалуем!

Иванов раздраженно шлепнул по кнопке «STOP», и тут же, словно дождаввшись сигнала, постучали в дверь.

– Да-да! – отозвался генлейт, досадливо морщась.

В кабинет шагнул сам Цвигун. В ладном костюме-тройке он выглядел верным ленинцем, а тяжелая поступь и набрякшие веки выдавали застарелое утомление.

– Здравствуйте, Елена, – сказал он очень спокойно, и добавил без тени улыбки: – Вы – настоящая боевая подруга разведчика.

– Рады стараться, вашбродь, – вытолкнула девушка.

Семен Кузьмич наметил улыбку, изогнув уголок губ.

– Всегда хотел спросить, – заговорил он натужно-обычным голосом. – А почему вы представляетесь баронессой? Вот, Александр Карлович фон Ливен... Вам он кто?

Елена задумалась.

– Прадед, кажется... – смущенно выговорила она.

– Так вот, – внушительно сказал Цвигун, – вашему прадеду... а, может, и раньше кому... император пожаловал титул светлейшего князя. Вот и к деду вашему, Александру Александровичу, обращались, как к его сиятельству, и к отцу вашему, Владимиру Александровичу.

– Ох, застыдили вы меня совсем... – пробормотала фон Ливен конфузливо. – Это так Америка повлияла, там только одних королей уважают – автомобильных или нефтяных! Понимаете, все эти аристократические онееры были от меня далеки, да и толку от них, раз Империи нету. А вот, что род свой не помню... Вот это плохо.

– Будешь себя так вести, – мрачно пробурчал Иванов, – на тебе он и закончится.

– Значит, продолжить род надо! – дерзко высказалась девушка, и показала генлейту язык. Теперь пришел черед краснеть Борису Семеновичу.

– Что, уела? – хмыкнул Цвигун. Снова построжев, он кивнул на магнитофон. – Слушал? Иванов хмуро кивнул.

– Юра... Юрий Владимирович велел дать запись в прямом эфире, – без охоты заговорил он. – И пусть те подонки выступают! Трех мы словили-таки, и вывезли в Гродно. Они много чего наговорили на камеру! И кто отдал приказ стрелять, и сколько за эту гнусность платили... Ох, и намаемся мы с этой их брехней!

Семен Кузьмич скорбно улыбнулся.

– Не о том думаешь, Боря, – сказал он вполголоса. – Ну, провокация... Ну, и что? Мало ли их было! Вот и назовем реальных виновных, предъявим доказательства, выведем на чистую воду.

– А у тебя о чем голова болит? – насупился генлейт.

Председатель КГБ недовольно посмотрел на него.

– Борь, в Польше другое началось... – заговорил он с вкрадчивой мягкостью. – Неужто не заметил?

– Какое другое? – полюбопытствовала Елена.

– Война! – жестко вытолкнул Цвигун. – Опосредованная... Словечко еще такое есть, мудреное... Прокси-война. Но хрен редьки не слаще.

– Не хреново девки пляшут, – в ошеломлении забормотал Иванов, – по четыре сразу в ряд...

Глава 3.

Воскресенье, 23 сентября. Позднее утро

Польша, Тухольские боры

Тряска прекратилась, как будто нудная боль прошла. Стих рев дизеля, защелкал остывающий металл, а в открытую бронедверцу надуло запахом хвои.

Кряхтя, с усталым удовольствием распрямляя ноги, Зенков выбрался из «Тигра» – слух прошел, что горьковчане так и назвали свои бронеавтомобили. Но Жеке было не до того.

Двое суток не спавши, не евши! Как в войну, прямо... Так сейчас же не Великая Отечественная!

«А какая?» – ледышкой скользнула мысль.

– «Змей»! – негромко позвал прапорщик.

– Все спокойно, тащ командир, – доложил Кобрин.

Зенков огляделся. Полосатый внедорожник старлея Бергмана, покоцанный осколками, скособочился неподалеку. За ним маячила БМД, еще пуше испятнанная попаданиями – пули лупили гроздьями, всю краску посдирали.

С лущенной брони тяжело спрыгнул Марьин. Пошагал, припадая на левую ногу – штанина закатана, бинт мокнет красным... Не смертельно, но болезненно.

– Товарищ майор... – Женька козырнул по старой памяти и, лишь отдав честь, вспомнил, что потерял голубой берет во вчерашнем бою. Поморщился, и договорил: – Вроде все спокойно. Отсюда и до моря, и до ближайшего городишки расстояние одинаковое... – он смолк, закидывая голову.

За путаницей колючих сосновых лап надрывались турбины боевых самолетов. В прогале мелькнули хищные силуэты Су-24, меченые красными звездами, а не «шахматными досками» польских ВВС.

– Наши! – крикнул «Кузя», и мигом схлопотал от «Квадрата».

– Цыц!

Морщась, майор прислонился к «Тигру», и поманил Бергмана. Тот подбежал грузной трусой.

– Товарищ командир...

– Не время, старлей, – отмахнулся Марьин, раскладывая карту на теплом капоте. – Смотрите! В засаду мы попали вот здесь. Отступали лесом... потом вот по этой дороге... вот досюда. А теперь... – он усмехнулся. – Слушайте последние известия. Радист наш, хоть и салабон, а дело знает туго – связался со штабом в Легнице. Короче. В Варшаве переворот, как в Чили, и случилось это безобразие в ночь на двадцатое. Всю власть захватила тутошняя хунта, главные – Ярузельский и Валенса...

– Валенса?! – выпучил глаза Бергман, он же «Борман», и стушевался. – Простите, товарищ командир! Ладно, там, «Железный Войцех», но Валенса... Профсоюзный бонза!

– И тем не менее, – нахмурился майор. – Их уже поддержали Штаты, а «мировая общественность» потребовала немедленно вывести наши войска...

– А мы? – напрягся Зенков.

– А мы их послали! – ухмыльнулся Марьин, и сосредоточился. – Короче. Приказано двигаться в направлении на северо-восток, в Подляшское и Верминско-Мазурское воеводства... – он встрепенулся, расслышав далекие глухие разрывы.

– Наши работают! – зашептал Кузьмин, боязливо косясь на «Квадрата». – Штурмовка...

– Туда! – приказал майор, махнув в сторону бомбежки. – По машинам!

* * *

Перевалив две невысокие гряды, густо поросшие соснами, «Тигры» и БМД выехали к небольшому военному городку. От комендатуры, штаба и казарм мало что осталось – бомбы с ракетами основательно перепахали военчасть. С десятков бойцов в польской форме очумело бродили у развалин склада, но, увидев десантников, разбежались.

– Прапор! – крикнул командир, не слезая с брони. – Двигай к гаражам! Там, по-моему, еще что-то уцелело. Пригодится в хозяйстве... И солярку, солярку ищи! Баки сухие!

– Есть! «Кузя»...

– Ага!

– Деревня! «Агаганьки»... – фыркнул «Квадрат», но воспитывать не стал.

Бетонные гаражи вскрылись наполовину, кирпичи перемешались со щепой, с искореженным металлом – пахло кислой вонью взрывчатки и цементной сушью.

Пара боксов уцелела. В одном стоял бортовой «Зил», а в другом – БРДМ.

– Берем! – решил Зенков. – «Кузя», займись...

– Только на ней движок бензиновый, – предупредил Кузьмин.

– Да и хрен с ним...

– Нашел! – раздался трубный глас «Квадрата». – Ого! Восемь... не, десять бочек! Полных!

– Бензина?

– Соляры!

– Живем!

Взревел движок БРДМ, и машина выкатилась на свет. Тут же, рокоча гусянками, подвалила БМД. Майор бочком, отпуская матерки, пристроился на оружейной башенке.

– Заправляемся по полной! Прапор, старлей! Принимайте боеприпасы – нарыли на складах. Как только не сдетонировало...

– А это чего? – сунулся «Квадрат».

– Закусь!

– Ух, ты... – расцвел сержант, хватая ящик. – Тушенка... Сгущенка! А это чего?

– Хлебцы, – понятливо улыбнулся Марьин. – В дороге поедим, здесь задерживаться не стоит... И поглядывайте кругом!

– Бдим, тащ майор! – бодро доложил «Змей». Дуло ДШК хищно шевельнулось, и кто-то военнообязанный шарахнулся в кустах на пригорке.

– Ни стшелей! – пронесся испуганный вопль. – Ни стшелей!

– Да на фиг ты мне сдался... – проворчал Кобрин.

– Прапор! Поведешь «Бардак».

– Есть!

– Грузимся!

Управились минут за двадцать, даже пару бочек с дизтопливом привязали на корму БМД, а внутрь запахали провизию и флягу с водой. «Кузя», по неистребимой хомячьей привычке, даже пару ЗИПов приволок.

– По машинам! Марш!

Первым тронулся «Тигр» Кузьмина, замыкающим выехал «Борман».

Зенков рулил вторым, и радовался, что впереди не БМД катится, а то наглотался бы смердящего дизельного выхлопа.

Держась за баранку одной рукой, он загреб ложкой тушенку, и захрустел хлебцем. М-м...

Что может быть вкуснее! Ну, разве что сгущенка...

«Пустим баночку на десерт!» – ухмыльнулся Жека, и добавил прыти мотору, чтобы не отставать от «Кузи». Как там Мишка Гарин говаривал?

«Всё будет хорошо, и даже лучше!»

Там же, позже

«Лучше бы не ел!» – подумал Зенков. Банка тушенки да банка сгущенки – это, конечно, хорошо, так ведь в сон клонит!

«После сытного обеда, по закону Архимеда полагается поспать...»

А ты за рулем, да еще в авангарде, и впереди, за открытой бронезаслонкой, тряская лесная дорога. Сама монотонность ямистого пути, бесконечное однообразие сосновых стволов по близким обочинам вгоняла... нет, даже не в дрему, а в некое снулое оцепенение. И ты, как автомат, крутишь баранку, отсчитываешь километры, но реагируешь на всё заме-е-едле-енно-о... Как во сне...

Неожиданно лесной шлях, заросший травой, влился в грунтовку – широкую и не слишком давно грейдерованную – а по ней, кроша глину, рокотали танки.

Пока Жека очнулся, «Бардак» едва на «Т-72» не наскочил. Тормоза! Заднюю!

Потев от страха и шипя со стыда, прапор полез в башню к пулемету. Вовремя заметив, что танки замерли, а с их брони спрыгивают и несутся к БРДМ автоматчики, он и сам схватился за «калаш». Высунулся, все еще плохо разумея, с кем его свела неверная судьба.

– Бросить оружие! – металлический голос репродуктора ударил по ушам, швыряя в явь. – Кто такие?

– Свои! – хрипло выкрикнул Зенков, кляня себя за лень. Ну, мог бы чертова белого орла на броне замазать! А парни с автоматами уже рядом, затворы так и клацают...

Положение спас Марьин – его «Тигр» вынесся вперед, и майор явил себя народу. Обгоняя танковую колонну, хрустя обочечным гравием, подъехал «винтажный» БТР-152. Прокатился, замирая. Из распахнутой дверцы выглянул сам Главнокомандующий Объединенными Вооруженными силами государств-участников Варшавского договора.

Невысокий, кряжистый маршал Куликов выглядел в полевой форме рослым, таким советским Наполеоном.

– Майор Марьин, товарищ маршал! – гаркнул «Маша», представляясь. – Вывожу часть веренного мне батальона из зоны боев!

– А-а, десант! – заулыбался Виктор Георгиевич, и тут же сощурился, кивая на колонну тентованных «Уралов», перемешанных с БТР-70 – и все мечены белыми орлами. – А что это у тебя за «хвост» тянется, товарищ майор?

– Поляки, но наши, товарищ маршал, – смутился Марьин. – У нас от роты две «Тигры» уцелели, да БМД. «Бардак» мы затрофеили...

Куликов полоснул Жеку взглядом, как лезвием.

– Из боя вышли с победой, боеприпасами разжились, – докладывал майор, – и тут натываемся на польскую колонну! Ору нашим: «К бою!», а командир ихний... подполковник Залевский... полотенцем белым машет. Так, мол, и так, отказываемся хунте служить! Они все из 8-й Дрезденской механизированной дивизии...

– Вижу, – обронил маршал, скользнув глазами по отличительной белой трапеции на бортах бэтээров, и усмехнулся. – Нормально, майор. Мы тоже «хвост» тащим – освободили по пути эков из лагеря интернированных, а там сплошь «партийный бетон»! Грабский, Милевский, Мочар, Ольшовский... Всё тутошнее Политбюро. Ну, я им втолковал политику нашей партии, а Милевский, он у них за главного, и говорит: «Согласные мы!» Ну, раз согласные, то стать в строй и шагом марш, хе-хе... Ладно, майор, присоединяйтесь. Вместе веселее!

– Есть, товарищ маршал! – козырнул Марьин, и замер.

Издаലെка, нарастая, раскатывался тяжкий свистящий клекот. «Шилка», следовавшая в «маршальской» колонне, беспокойно ворохнула башню, задирая четыре ствола.

– Не бойсь, майор, – ухмыльнулся Куликов. – Свои!

Вынырнув из-за леса, над колонной прошелся громадный «крокодил» Ми-24, хлеща винтами и закручивая вихорьки ржавой хвои.

– По местам! Марш!

*Понедельник, 24 сентября. Утро
Московская область, Щелково-40*

Связавшись с инвертором, мы здорово запустили работу с хронокамерой. Ну, а что делать? Лишних людей нету, все заняты, а у Фейнберга неполный допуск.

Единственно, что успели – телекамеру оставили напротив. А то мало ли... Вдруг Терминатор явится.

Пусть лучше дежурные из первого отдела справляются с залетными Т-800...

– Эй! – Киврин невежливо сбил меня с мысли. – Оглох?

– Чего-чего? – я до того задумался, что не сразу понял, где печатаю шаг. Почудилось даже, что мы с Володькой топаем по коридору почившего объекта Х-1410. Такой же темноватый проход, и тусклые полусферы светильников на далеком потолке горят через одну, и сквознячок потягивает запашком нагретой изоляции...

– Я говорю, инвертор надо где-то испытывать! – терпеливо повторил завлаб. – Ну, не знаю... В пустыне где-нибудь, или в степи, чтобы все ровно, плоско до горизонта. Километра два дальности гарантирую – тахионные ундуляции мы уже раз десять моделировали. А сейчас практика нужна! Два с половиной километра – это на пределе, энергетическая сфера получается метров пять в поперечнике – она, считай, половину любого танка уделает. Микрогнезд с антивеществом будет, как дырок в сыре – развалит и броню, и экипаж... Но ты-то хочешь, чтобы инверсионная машина доставала на все двести кэмэ!

– Не я, – поднял я палец в назидание, – а министерство обороны. Половину любого танка надо с орбиты уделать.

– Да как?! Рассеивание, знаешь, какое? Энергосфера раздуется в тысячи раз! Мегаватт вбухаем уйму, а толку ноль! Так только, озоном будет попахивать слегка, от ионизации...

– Володя, – сказал я прочувствовано, – родина надеется на тебя! Думай, соображай...

– Ага... – проворчал Киврин. – И получишь к пенсии Орден Сутулога на грудь! Ладно, помаракуем... – вздохнул он.

Мы вошли в мой «дом номер два» – родимую лабораторию локальных перемещений. Бандура тахионника громоздилась памятником самой себе, а темная хронокамера в «наушниках» бета-ретранслятора бликовала на солнце темно-зеленым, как стекло у бутылки из-под шампанского. Облака, выцедив хиленький ночной дождик, стыдливо разошлись, и лучи били в окна прямой наводкой. Овально отсвечивал начерченный круг подставки, уныло свисали суставчатые манипуляторы.

– Наташка сегодня Ленку Браилкову вспоминала, – заговорил Владимир, утишая голос. – А мне даже как-то стыдно стало. Вот, думаю, я и забыл уже! И про Ленку, и про Мишку... А ты?

– Помню, – хмыкнул я невесело, – но смутно. Совесть не дает забыть насовсем. Сам же их отправил! Туда, не знаю, куда... Времени сколько уже прошло – и тишина...

А дальше всё происходило совершенно по-киношному. Лаборатория сотряслась, всё поплыло, как в отражении на воде. Сквозь двойные стеклянные панели хронокамеры бесстыдно забелела чужая облицовка. Я моргнул, а все уже прошло.

Только на подставке громоздилась небольшая коробка.

– Вам посылка... – растерянно забормотал Киврин. – Получите и распишитесь...

Не дослушав, что там еще донес поток его сознания, я бросился к техотсеку. Поспешно отворил обе дверцы, просунулся в хронокамеру – и расплылся в улыбке. На фанерной крышке посылочного ящика было четко выведено фломастером: «Михаилу Гарину, лично в руки».

Подхватив увесистую тару, я метнулся обратно в лабораторию.

– Что, что там? – забегал Володька в манере большой приставучей мухи.

Отмахиваясь от назойливого жужжания, я вскрыл посылку. Внутри лежали книги, журналы, газеты, а сверху – пухлый конверт с письмом, открытый, не заклеенный.

Я торопливо выцепил тетрадочные листки, исписанные четким почерком Ленки Браиловой. Киврин азартно сопел у меня за плечом, но не отгонишь же...

«Здравствуй, Мишенька!

Мишка бурчит, что обращение слишком интимное, ну, и пусть себе бурчит. Прости, что долго молчали – были причины. Сразу скажу – у нас всё в порядке. Иначе мы бы просто не смогли ничего переправить тебе! Но по порядку (Мишка сидит рядом, и ревниво следит за тем, что я пишу).

В самый момент перехода мы оказались в похожей лаборатории, а институт покинули без проблем – вахтер дул чай с вареньем, и даже не глянул на нас. Выходящие же.

И Первомайск выглядел точно таким же. Я еще подумала тогда, что ни в какое бета-пространство мы не угодили, а просто сдвинулись во времени. На день позже, скажем.

И лишь потом я начала замечать детали. Например, над Домом Советов реял красный флаг с синей полосой сбоку – флаг РСФСР. Дальше тоже была площадь Ленина, как у нас, только улица, что вела к вокзалу, называлась не Шевченко, а Большой, как до революции. А Мишка – балбес, он на такие «мелочи» внимания не обращал. Надулся, но молчит. Правильно, меня нельзя нервировать – завтра в роддом, срок подходит.

В тот же день мы выехали в Москву. Я всё высматривала различия за окном купе, но лишь одно углядела – нигде не висело ничего на украинском, даже на харьковском вокзале не значилось: «ХАРЬКІВ». Но я точно не знаю, как было у нас. Вот, Мишка опять бурчит. Что, говорит, значит – «у нас»? А я ему объясняю: «У нас – это значит «в альфа-пространстве», в моей родимой альфочке!»

Опять надулся. Ну, и ладно.

Утром мы приехали в Москву, и закрутило нас, завертело... Мишка сразу в КГБ, к здешнему Иванову. «Здрасьте, говорит, простите, что скрывался, боялся, что агенты империализма кокнут. Вон, даже внешность сменил!» Но ведь сетчатка глаза и отпечатки пальцев у него те же остались! И тамошний Борис Семенович поверил.

А вот мне просто повезло. Мой дубль, Лена Браилова из «беты», той самой зимой уволилась – Мишка-то исчез! И его записали в пропавшие без вести. По слухам, моя копия устроилась на работу где-то в Венгрии, вышла замуж, и оба перевелись на Кубу, на завод «Карибсталь». Ну, и слава богу.

А мой Миша встретился с бывшей. С Инной. Он мне, конечно, всего не рассказывает, но, вроде бы, обошлось без скандалов и даже без примирительного секса (когда я при этом ехидно улыбаюсь, он сразу начинает сердиться. Вот, как сейчас). В общем, развелись они. Инна только рада была – вся в искусстве! А Юля осталась с отцом. Она такая лапочка! Мишка до того боялся, что она его не узнает, а Юлька сразу как запищит: «Папоцька присол! Папоцька!» Обнимает его, целует... Я даже заревновала.

О, Мишка не сдержался, сказал: «Дура бестолковая!» А я даже дуться не буду.

В общем, всё у нас стало хорошо, всё выправилось и устаканилось. В начале сентября нам дали квартиру в научном городке Орехов-40, и вот, сподобились, наконец-то, подали весточку о себе. По многочисленным просьбам трудящихся, уступаю место Мишке.

Привет, брат-близнец. Дополню Ленку. Коллектив подобрался в точности, как в «альфе» – и Лиза тут, и Бублик, а вот Инполита Григорьевича почему-то нет. Я осторожно навел справки, и знаешь, что оказалось? Что Вихурова расстреляли еще в шестьдесят девятом – за шпионаж! Имей в виду. И еще.

Ленусик пишет тут, что я ни на что не обращал внимания. Это не совсем так. Просто я жил своей жизнью, и мне не с чем было ее сравнивать. А вот, как познакомился с дублем... В общем, смотри, какая картина вырисовывается.

Я реально не помню Марину. Понимаешь? И в Бугаёвку ездил исключительно за шмотками. Второй момент. Одноклассницы. Я был увлечен Инной, и в жизни остальных девчонок из нашего класса не принимал никакого участия. Да, я вылечил Свету, но она потом поступила в какой-то ленинградский мединститут. И Маши с ней уехала, учится в Репинке. Еще одно совпадение – Котов завещал свою квартиру на Малой Бронной мне, но я там поселил Тимошу. Скоро она оттуда съезжает – Дюхе дают двушку, он все это время работал на «Зиле». Начинать лимитчиком, потом поступил на заочное в МАДИ. А Изя с Алей так и оста-

лись в Первомайске, учатся в филиале Одесского универа. Так что ни о каком эзрегоре, как у тебя, я даже не задумывался (хотя и завидую, если честно).

Все чудесатее и чудесатее, как говорила Алиса. В общем, не знаю. Помнишь, мы разбирались, как попали сюда из 2018-го? Детали всякие вспоминали, сравнивали свою «прошлую» жизнь... Помнишь? Один в один! Женились, родились, развелись... Но сейчас я даже в этом не уверен. Придерживаюсь, пока что, нашей тогдашней версии – мы из одного времени, но нас разбросало по разным пространствам. А вот так ли это? Знаешь, я уже ничему не удивлюсь!

Отправляем тебе подборку здешних книг, учебников, периодики. Сравните с аналогами. Может, и выясните чего. Да, и спасибо огромное, что сунул на прощанье параметры ретранслятора. Помогло! Ленка рвется...

Мишенька, до свиданья! Понял подтекст? И ждем ответа, как соловей лета! Целую, Лена.

Не целую, обойдешься. Миша».

Страницу за страницей я вычитывал письмо из другого мира, передавал, не глядя, Киврину, а мозги закипали, как чайник на плите. Идеи роились самые сумасшедшие, но это всё поверх громадного облегчения – живы Браиловы, неожиданная родня моя!

– Фантастика... – бормотал за спиной Володька.

– Научная! – поправил я его, и сунул обе руки в посылочный ящик.

«История СССР» для студентов... Сверим часы, ага... «Техника-молодежи», «Наука и жизнь», «За рубежом», «Литературная газета»... «Земля за океаном» Пескова... Посмотрим... Сборник Губарева «К звездам!» с ракетой на обложке... А это что?

– Ого! – воскликнул Киврин. – Да тут фотки!

Пакет из плотной коричневой бумаги был набит снимками, черно-белыми и цветными.

...Счастливый Мишка тискает счастливую дочку, белокурую обаяшку, а счастливая Ленка прячет свой пузень за мужней спиной.

...А вот «старая» фотография. Свадебная. Мишка подхватил на руки Инну в пышном белом платье. Девушка обнимает его за шею, смеется...

Я поневоле стиснул зубы. До чего же хороша... И до чего же жених в черном похож на меня, тогдашнего! С ума сойти... Словно просматриваешь реплику собственной жизни. Да так оно и есть...

Повертев в руках сборник «К звездам!», я деловито заговорил:

– Мне завтра перед Устиновым отчитываться, заодно провентилирую вопрос... э-э... насчет испытаний. Что, если нам на Байконур махнуть? М-м? Степь да степь кругом...

– Самое то! – заценил Володька.

– Тогда собирай фотографии, книги, и понесли.

– К Марине? – уточнил аналитик.

– Ну, да... – проворчал я, тайком сунув в карман фотку с «моей» свадьбы. – А с Ивановым пусть уже сама договаривается, не хватало нам еще и этой мороки...

Среда, 26 сентября. Вечер

Лондон, Найтсбридж

Последнюю пару недель Вакарчук чувствовал себя под прицелом. Очень неприятное ощущение!

И он прекрасно понимал при этом, что дурью не мается – угроза из едва приметной, что изредка блистает зарницей на горизонте, надвинулась вплотную, становясь прямой и явной.

Никто, разумеется, не сообщал прессе о «мятеже олигархов», и почтенная публика знать не знала о тайной битве. Вообще, мало кто мог разглядеть систему в том хаосе, что сотрясал «коллективный Запад». Брокеры, дилеры, трейдеры – все эти служки капитала дурели на своих биржах, судорожно хватаясь за пачки акций. А «ценные бумаги» то падали в цене, уравниваясь с туалетной, то ракетировали к небу. Миллиарды вспухали, появляясь из ниоткуда, и таяли, исчезая в никуда.

И лишь один Степан был в курсе происходящего – богатейшие кланы Европы и Америки осаждали воздушный замок «координатора», штурмовали его виртуальные стены с неугомонностью идиотов. Олигархи теряли десятизначные суммы, но упорно шли на приступ, зная – все их потери вернутся сверхприбылями, стоит только свергнуть «координатора».

Никогда такого не было! Олигарх – сверхэгоист, ему ли договариваться с себе подобным, чтобы плечом к плечу? Да ни за что! Но вот же ж... Припекло, видать...

Фыркнув, Вакарчук бережно уложил в ящик последнюю картину – «Портрет юноши» Рафаэля – и отряхнул руки.

– Всё, Чак! Спускай!

Молчаливые грузчики, подозрительно похожие на кубинцев, снесли ящик вниз. Степан подошел к окну, и осторожно выглянул наружу. Бронированный фургон как раз отъезжал от подъезда.

«Там шедевров – на пару миллиардов точно, – мелькнуло в сознании. – То-то Пиотровский удивится!»

Могучим рывком Призрак Медведя швырнул Вакарчука на пол, устланный драгоценным персидским ковром.

Степан даже вякнуть не успел от возмущения – снайперская пуля гулко и звонко ударила в бронестекло, расколотивая маленькую дырочку, и в нее тут же влетела другая, того же убойного калибра, гвоздя малахитовую облицовку камина. Ярко-зеленые крошки так и брызнули.

– Нашли? – ошеломленно выдохнул Вакарчук, перекатываясь набок.

– Как видишь! – каркнул Чарли, пробегая на карачках. – Стреляли из дома напротив. Еще вчера там было пусто, я проверял... Уходим!

– Куда?

– Подальше!

Гостиную они покинули вовремя. Сразу две реактивные гранаты, летя по вихлявшейся траектории, рванули, вышибая окна, напуская громыханья, дыма и жалящих осколков. Дымные шлейфы еще не разошлись в вечернем воздухе, как по их следам пронеслась шипящая противотанковая ракета TOW, разматывая за собою тонкий кабель.

– Бежим!

Высочив на площадку, беглецы поступили благоразумно – лифтом пользоваться не стали. Эта «восходящая комната», ровесница Элиши Отиса, вполне могла стать склепом на двоих. И Вакарчук дунул вниз по роскошной мраморной лестнице.

Рвануло знатно – фугас с грохотом вынес тяжелые дубовые двери, раскалывая резной массив, и полетели кирпичи, обломки, душное облако пыли и дыма...

– Быстрее, бледнолицый! – гаркнул индеец, вжимая голову в плечи.

– Да я и так, краснокожий! – выдохнул Степан, инстинктивно прикрываясь рукою.

Мощности взрыва хватило, чтобы «вздулся» потолок да просел пол. Старые балки не выдержали, изломались – и всё роскошное убранство элитных квартир на трех этажах обрушилось с гулом и треском. Мраморы и граниты, шелковые шпалеры и веджвудский фарфор – за пару секунд всё смешалось в гору мусора, пылящую посреди каменных стен. Лишь высокая острая крыша устояла, нелепо венчая пустоту.

– Черный ход!

– Без тебя знаю...

«Роллс-Ройс» у парадного... Нет, светиться ни к чему, там всё пристреляно. А вот подержанный фургончик «Ситроен» в переулке дождался-таки хозяев.

Вакарчук нырнул на переднее, Чак плюхнулся за руль, с ходу заводя движок. Довольно замурлыкав, машина тронулась в путь. Дальний путь.

– Куда? – лаконично спросил Чак.

– Нью-Йорк, – коротко обронил Степан. Подумал, и сказал: – Лучше вкругаля, через Монреаль. Паспорта где?

– В бардачке.

Порывшись в «корочках», «Брайен Уортхолл» выбрал французские.

– Я – Франсуа Перенн, а ты – араб.

– Похож, – невозмутимо откликнулся Призрак Медведя, вырубивая на Лоундес-сквер.

– Саям, Али ибн... и так далее, – грустно вздохнул Степан. Перехватил недоумевающий взгляд индейца, и забормотал, смущаясь: – Мебель жалко... Дорогая... Музейная...

Чак лишь плечами пожал.

– Через Монреаль, – разлепил он губы. – А дальше?

– А дальше мы начнем свою войну! – жестко выговорил Вакарчук.

– Хау, – с удовлетворением заключил Призрак Медведя.

Глава 4.

Суббота, 25 октября. Вечер

Московская область, Щелково

Аэродром «Чкаловский» выглядел, как воздушная гавань провинциального городка, но парочка «семьдесят шестых» на стоянке правили впечатление. Главная авиабаза ВВС!

А то, что вокруг березки желтеют, так это даже к лучшему – осенний колорит чужие взгляды отводит.

Я медленно обошел УИП-50С, возлежавшую на танковом шасси. Больше всего «Установка инверсионная пустотного исполнения» походила на фотоаппарат с несуразно большим объективом. «Оптика» – это тазер, что-то вроде тахионного лазера, а «фотокамера» – ядерная энергетическая установка, помощней БЭС-5 «Бук».

Число «50» на шильдике меня просто умиляет – наивная детская хитрость, должная обмануть коварных шпионов. Цифры обозначают дальное действие инвертора. Он у нас и за десять кмэ достанет, в момент обратит танковый взвод или ракетный катер – аннигиляция так и брызнет! Радиации куда меньше, чем при взрыве тактического спецзаряда, зато поражение – с гарантией.

А на табличке – скромненькие полста метров... Не раскрыть тебе нашей тайны, гражданин Гадюкин!

– Миша!

Я рефлексивно заулыбался, услышав родной голос.

– Что, опять задерживают?

– Не-ет! – воскликнула Рита, смешно семеня. – Объявили погрузку! Сначала в Энгельс летим, там во-он тот двигун выгрузим, для «Ту-22», а потом – на Байконур!

В удобном комбинезоне, поддерживавшем весьма округлившийся живот, мой «пузатик» быстренько ковылял, приучая будущую дочку к физкультуре и спорту.

– В Энгельс, так в Энгельс, – согласился я, обнимая Риту, и спросил, деланно озаботившись: – А можно говорить: «беременная девушка»?

– Нельзя! – важно сказала половинка. – Я – беременная женщина!

– Тетей Ритой ты станешь лет через сорок, да и то не уверен, – в моем голосе прорезалась наставительность. – А пока ты просто залетевшая девчонка. Понятно?

– Ага... – прижалась девчонка.

Солнце село, начали сгущаться тени. Заблестали синие лучи прожекторов, нагоняя темноты, и тут же по бетонному полю раскатился свистящий рокочущий гул турбин. Не выделяясь в сумерках фюзеляжем, окрашенным в армейский серый цвет, вырливал «Ил-76». Десятью минутами раньше в его гулкое нутро гуськом поднялись бойкие, зубастые десантники – им брать Августов.

Вспомнив Ремарка, я усмехнулся. Да нет, Эрих-Мария, на Западном фронте – перемены! И какие! Скажи мне о них год назад – не поверил бы, однако нынешняя реальность именно такова.

На днях немцы-осси освободили Бреслау, бывший Вроцлав, и закрепляются по Одру, а наш, Восточный фронт, протянулся от Сувалок до Белостока. И обе извилистые красные линии на военных картах медленно, но верно сближаются – идет Четвертый раздел.

«За что боролись, на то и напоролись», – злорадно думал я, глядя теплые Ритины плечи и провожая взглядом смутный силуэт «Ильюшина», ритмично накалявшего малиновый маячок.

Габский с Милевским провозгласили Восточную Польшу, ратуя за возвращение Белостокской области в состав Белоруссии, а «Железный Войцех» с паном Валенсой «выбрали свободу» – и мигом нашли покровителей Польши Западной, бойкой молодой демократии, где свято чтут права человека, за что и страждут от «советской агрессии»...

– Егта... Миша! – голос, донесшийся из темноты, звучал бодро. – Грузимся!

– А Киврин с Корнеевым где?

– Они – следующим рейсом! Хе-хе... Витёк ругается – Ядзя с нами летит, а он один остается!

Рита прыснула в ладошку, а я назидательно вывел:

– Разлука полезна! Пошли, «пузатик»...

– Грузиться?

– Лучше б тебе дома оставаться, так ты ж...

– Ни за что! – перебила меня «беременная девушка». – Я с тобой хочу!

– Пошли уж, Маргарита Николаевна, – сказал я с ворчливой нежностью.

И мы пошли.

* * *

На авиабазе «Энгельс-2» задержались ненадолго. С помощью талей, погрузчика и такой-то матери, здоровенный турбореактивный НК-25 вытащили и увезли.

Рампу подняли, гермошторки сошлись, и наш «Ил» снова запросился на взлет. Экипаж суетливо бегал по гулкой грузовой кабине, а я лишь теперь удивлялся, утомленно и сонно – никакого интернационала, половина летунов сменилась.

Прежний командир корабля, спокойный, рассудительный Иваныч вежливо распрощался с пассажирами, а ему на замену прибежал потный и раздраженный Азамат. Помощник командира – Талгат, штурман – Ержан, бортинженер – Кайсар. Бортоператор, и тот – Мансур! Сплошь одни казахи!

Дремотно помаргивая, я осмотрел сводчатую самолетную утробу. Рита с Ядзей, уморившись, спали – мы им постелили на узких жестких скамьях. Марина пристроилась рядом, недобольно ворочаясь – возня с разгрузкой перебила ей сон. Вайткус укладывался основательно – натащил откуда-то грузовых сетей и сложенного брезента. Чем не перина?

Оглядевшись, и не приметив Рустама с Умаром, я решил, что оба ищут счастья в техотсеке, где устроены места отдыха для экипажа. Свои, как-никак. Азия-с. Договорятся как-нибудь...

Рассудив, что всех перехитрил, забрался в танк. Бандуру УИП мы сместили на левый край, а справа приделали коробчатую кабину для наводчика. Миновав эту стальную будку, я пролез в бывшее боевое отделение, и был жутко разочарован – спецназовцы оказались хитрее.

– Занимайте места согласно купленным билетам! – хихикнул Рахимов, потягиваясь.

– Вот гады! – ухмыльнулся я.

Юсупов довольно хмыкнул, а Рустам присоветовал:

– Полезай вперед, сиденье мехвода пока никем не забито...

Низко пригнувшись, я сунулся, куда сказано, и разложил сразу два «спальных места» – оператора и механика-водителя.

Мягко, удобно... И самолетному гулу не одолеть броню.

– До Байконура просьба не будить... – пробормотал я, постанывая, и уснул, как будто кто выключил явь.

Сны меня одолевали смутные и беспокойные, а вот подъем растревожил всерьез.

– Вставай... Миш, вставай!

Узнав Рустама, я быстро протер глаза, и начал с шутки а ля механик Зеленый:

– М-м... Что у нас плохого?

– Миш, мы над морем летим, – негромко ответил Рахимов.

Я рывком поднес руку с серебряным «Ролексом». Та-ак... Ага...

Четыре часа я точно проспал... Море, значит... Тогда...

– Мы или к Турции подлетаем, или к Ирану, – медленно выцедил я.

– Под нами не Каспий точно, – хмуро вставил Умар. – Я, когда в иллюминатор выглянул, как раз берег мелькнул. Пляж был галечный, а на Каспийском везде песчаные.

– Значит, к туркам в гости... Чертовы казахи!

– Я стучался в рубку, – молвил Рахимов. – Глухо.

– Это угон, – подвел черту Юсупов. – Или это они тебя умыкнули!

Я рассеянно кивнул, подумав: «Почти что дежа-вю... Как в романе, где автора заело на самоповторах...»

– Марина знает?

– Нет еще, – мотнул головой Умар. – Спит Маринка.

– Буди. И доложи. Девчонкам пока рано говорить... Рустам, скажешь Ромуальдычу. Оружие при вас?

– «Стечкин», – Рахимов шлепнул себя по боку.

– ПЭБэ, – доложил Юсупов, заведя руку за спину.

– Действуйте, – велел я, и кисло поморщился. – А мне тут надо сюрпризик готовить...

Причины не доверять спецназовцам просто не существовало в природе – эти ребята не умеют предавать. А вот экипаж «семьдесят шестого»...

Османы давно ностальгируют по утраченной империи. Сбросили последнего султана – и чуть ли не в тот же самый год заняли о единстве тюрок, о тюркской цивилизации от Балкан до Алтая... А туземцы и рады! Куды ж холопу без господина?

– Да здравствует ленинская национальная политика! – выразился я, будто выругался, и набрал код на лючке. Панель шелкнула и откинулась.

Ах, до чего же мне не хотелось вводить программу самоликвидации! Три месяца мы вкалывали, делали и переделывали, испытывали, настраивали! Сколько светлых мыслей нам явилось, сколько сумасбродных идей и озарений! А та уйма труда, что вбита в сборку и доводку? Бывало, до того устанешь, что прямо в танке и заснешь. Просыпаешься от Ритино или Ната-

пиного звонка: «А ты где?» – «Ой, сейчас, сейчас, Риточка... Наташа... Ядзя... Марта... Заработались мы тут!»

И всё это в пыль?!

«А что делать?»

Сжав зубы, я ввел программу. Сначала запустится реактор... Зарядятся энергонакопители... Муфта фокального комплекса сместится на нулевую отметку, формируя энергосферу вокруг инверсионной машины... По сути, УИП-50С обратит саму себя!

В броне, в эмиттере, в ЯЭУ, в бортовой ЭВМ народятся микроскопические гнезда анти-вещества – буквально несколько миллиграмм на весь танк – и вспыхнут лиловым огнем распада. И останется угонщикам полуоплавленное гусеничное шасси, тонн двадцать металлолома...

Выматерившись, я захлопнул лючок – и ощутил неприятное зависание. Самолет шел на посадку.

* * *

«Ил» садился весьма небрежно – коснулся ВПП колесами, сотрясся, тяжело «скозлил» и снова сел, стирая о бетон дымящиеся шины. Мрачный Вайткус отодвинулся от иллюминатора, и вытолкнул:

– Инджирлик!

– Да ладно! – я приник к мелкому круглому окошку в забортный мир.

Поля, бетонные поля... И не березки никнут, а пальмы колышут перистыми листьями. На стоянках выстроились многие десятки «Фантомов», «Скайхоков» и прочих «Иглов». Подальности неуклюже разворачивался «Боинг Сентри» с тарелкой АВАКС на горбу...

– Черт бы вас всех подрал...

Приземистые серые здания авиабазы – склады, укрытия для самолетов, узлы связи – лежали угловато и плоско, турецкий и американский флаги полоскались рядом...

– Етта... Что будем делать? – Ромуальдыч смотрел прямо в глаза, и все, как по команде, тоже уставились на меня.

– Что смотрите? – буркнул я. – Думать будем!

«Семьдесят шестой» остановился, словно выдохшись. Створки тут же загудели, медленно расходясь, напуская теплого, надушенного воздуха. Вздрагивая, съехала рампа – и внутрь бегом повалили рейнджеры – мордатые, здоровые, шумные.

– Выходить! – заорал сержант с толстенной шеей, дергая «черной винтовкой». – Как это... Спускать! Бистро-бистро!

– Ромуальдыч! – резко сказал я, притискивая Риту. – Следи за Ядзей!

Вайткус молча кивнул, и Ядвига сама к нему придвинулась.

– А мы где? – пролепетала жена, растерянно хлопая ресницами.

– В Турции, – заворковал я, ступая по рампе. – Ты только не бойся ничего...

– К-как это? – черные глазищи окатили меня волной изумления. – В Турции?!

Янки довольно вежливо оттеснили нас подальше от «Ильюшина», поближе к армейским грузовикам, пятитонкам М-809, смахивавшим на «КрАЗы».

– Эти чертовы казахи угнали наш самолет! – гневно вспыхнула Марина.

И лишь теперь «эти чертовы казахи» ступили на пыльный турецкий бетон.

– Улы Туранга данк! – заорал Азамат, перекашивая рот.

– Азат Казакстан аман болсын! – с надрывом подхватил Ержан.

– Они ругаются? – боязливым шепотом спросила Ядзя.

– Да нет, – брезгливо кривясь, ответил Ромуальдыч. – Славят великий Туран и свободный Казахстан, придурки...

Подъехал джип с тощим чином в фуражке. Чин разложился, как складной метр, и стал водить длинными костистыми руками: гражданских (то есть, нас) увезти; секретный аппарат (то есть, инвертор) осмотреть, проверить и доложить.

Нас никто не обыскивал – гражданские же, а мы не оказывали сопротивления. Образцово-показательный плен.

– Могаем отсюда, – сказал я тихонько, – пока эти не проверили.

– А почему? – Ядзя вытаращила синие глазищи, став похожей на киношную блондинку, глупенькую очаровашку.

– Докладывать будет некому!

Губастый чернокожий водила ослабил, завидев беременную красотку, и даже усадил ее в кабину. Остальных двое рейнджеров загнали в кузов под тент, а сами уселись с краю, лениво болтая между собой. На нас – ноль внимания. Гражданские же...

А я все поглядывал – мельком, искоса – на оставленный «Ил», и мысленно подгонял черномазого шоферюгу – техники в оливково-зеленой униформе и в бейсболках, еще не популярных, уже деловито осматривали наш «танчик»... Стоит им вдавить любую клавишу на пульте – программа запустится и...

809-й зарычал, трогаясь. Я облегченно выдохнул, и сказал, не поворачиваясь к Рустаму:

– Начнется салют – снимайте эту парочку.

– Понял, – обронил Рахимов, глядя вдаль.

– Девчонки... – вытолкнул я, почти не шевеля губами. – На «Ил» лучше не смотрите. Зажмурьтесь!

«Салют» грянул, стоило нам отъехать метров за двести. Засверкали ослепительные ярко-фиолетовые вспышки, складываясь в чудовищный сполох, высвечивая и джип с чином, и горстку пыжившихся казахов, и толпу «Джи-Ай», усердно перемальвывавших жвачку. А в следующее мгновение всех их смел белый пламень, как кегли разбрасывая обгорелые тела. Страйк.

Основную долю излучения погасил фюзеляж – он выдулся пузырями и лопнул – запорхали лоскутья размягченного дюрала, закувыркался киль. Вспучились отломленные крылья, огненной тучей пыхнул керосин, окатывая ближние «Фантомы».

Один удар сердца, один миг нещадного горения, и «семьдесят шестой» развалился, а исковерканный танк, раскаленный докрасна, тяжело съехал на бетон по дымящимся останкам самолета.

Пока я проморгался, спецназовцы сняли рейнджеров, перебив обоим горла закаленными ребрами ладоней. А тут и грузовик затормозил, прямо как по заказу.

Спрыгнув на бетонные плиты, я столкнулся с афро-водилой. Посерев от ужаса, тот трясся, глядя на унимавшийся позади Армагеддончик. Меня негр, похоже, принял за демона из страшилок вуду – вскрикнул, выхватил «кольт»...

Опередив «кразиста», я врезал ему по черной морде, но не рассчитал сверхскорость – раскрошил челюсть и переломал шейные позвонки. Взял из воздуха падавший пистолет, сунул за пояс, прыгнул за руль...

– Привет! – выдохнул я, улыбаясь пассажирке.

– Ага, – невпопад ответила Рита.

– Миша, гони в горы! – крикнула Марина, перевешиваясь через борт. – Курды помогут, они Ершова уважают! На восток, по шоссе! Потом свернем!

– Держитесь там!

– Держимся!

– И бдите!

Я кинул взгляд на приборы. Солярки хватает...

– Всё будет хорошо, Мишечка... – выговорила пассажирка. Голос ее подрагивал. – Слышишь?

– Слышу, маленькая.

Разогнать тяжелую машину непросто, зато и остановить – проблема... По всей базе метался персонал, бегала солдатня, с воем носились пожарные машины. Еще один армейский грузовик, мчавшийся к хлипким воротам из металлической сетки, не привлек подозрительных взглядов.

М-809 высадил створку будто мимоходом, та лишь ржаво взвизгнула, ломаясь и царапая бампер. Кто-то шарахнулся на КПП, и под колеса лег асфальт, уводивший на северо-восток, туда, где синела пильчатая линия гор.

– Всё будет хорошо... – твердила Рита заветную мантру, и я мотнул головой, словно отбрасывая сомнения.

*Тот же день, раньше
Инджирлик, Сарычам*

Рехаваму Алону даже не пришлось маскироваться – пожилой еврей выглядел, как всякий престарелый турок. Да и кому еще придет в голову прогуливаться под пальмами в черной паре и в шляпе того же траурного цвета? Только старперу...

Правда, пришлось повозиться, чтобы арендовать ресторанчик на главной улице, но оно того стоило – весь этот район рядом с авиабазой не зря прозвали «Маленькой Америкой». Офицеры из Штатов снимали здесь дома, отоваривались, вместе с рядовыми, в местных магазинчиках, закупались сувенирами и прочим ширпотребом. А где янки развеяться, пропустить стаканчик-другой? И вечерами в Инджирлике громко звучала английская речь – даже резвые турецкие зазывалы покрикивали: «Кам он, кам он!»

Алон горделиво усмехнулся, высмотрев свеженамалеванную вывеску – «Saloon Вop-Тop». Они даже распашные дверки навесили у входа – «крылья летучей мыши» называются. И стилизация под ковбойское питейное заведение сработала – американцы повалили на звуки расстроенного фортепиано.

Ариэль Кахлон в стетсоне перебирал аккорды, неумело, но со старанием, а на стене висела знаменитая табличка: «Не стреляйте в пианиста, он играет, как может». Чем не вестерн?

Полковник взял на себя закупку съестного и горячительного, а в ролях поваров, барменов и официантов выступали его «гвардейцы». Давняя примета: белые господа не замечают прислугу. Они могут обсуждать при них важные, подчас секретные вещи, как будто у тех нет глаз и ушей...

Впрочем, нельзя сказать, что Алон использовал служебное положение, лишь бы увильнуть от грязной работы – в постоянных разъездах легко заводить полезные знакомства. А во время ланча или «файв о`клока» почему бы старичку и самому не заглянуть в «салун»? Побаловать себя чашечкой кофе, допустим? Тем более, что у Гилана Пеледа открылся талант барристы...

Рабби придержал за собой качающиеся дверки, и меланхолически прошествовал в угол, за столик у окна. Правда, не потому что любил следить за прохожими. Просто напротив, совсем рядом, устраивались двое офицеров в его звании.

Наивная самоуверенность янки всегда смешила Рехаваму – заокеанские гости вели себя по-хозяйски, нагло и хамовато, но это вовсе не испорченность. Просто они такими выросли. Американцу с рождения внушают, что белая раса превосходит все прочие, а его нация – исключительная, самая-пресамая!

И маленькие Джонни впитывают эти затхлые истины, как сухая тряпка – воду. Попахивает нацизмом? Так это он и есть! Однако большого Джона, когда тот вырастет, укорять подобным нельзя – обидится. Не поймет, поскольку заматерел, окончил Гарвард или Вест-Пойнт,

а внутри остался тем же мальчиком – туповатым, убого информированным мещанчиком, не способным мыслить хорошо.

Но затвердившим на всю жизнь, что он – патриций, а всё остальное человечество – жалкие плебеи, которым не повезло родиться в «сияющем граде на холме».

Впрочем, для разведчика это их поганое качество полезно. Русские не станут говорить о тайном при свидетелях, памятуя, что «болтун – находка для шпиона», а вот американцы могут и не заметить всяких там турок или прочих недочеловеков...

Юваль, похоже, вжился в образ ресторатора: проявлять услужливость, сохраняя достоинство – это надо уметь. Приняв заказ у американских пилотов, спецназовец мигом передал его на кухню, и материализовался рядом с Алоном.

– Чего изволите, бей-эфенди?

– Чашечку кофе, пожалуйста, – смиренно проговорил полковник. – И... Да, и пирожное.

– Хорошо, эфендим...

Юваль одним движением протер столик и выставил серебряный стаканчик с бумажными салфетками. Стремительно удалился, спеша обслужить «почтенного старца», а старец, не торопясь, вынул крайнюю салфетку. С обратной стороны Ари выписал четкими печатными буквами:

«Американские летчики дважды упоминали кодовое название операции: «Иранская свобода». Указывалось, цитирую: «В готовности в ФРГ (в Шпандалеме) и в Италии (на Авиано) держать в резерве 49-е ТИАКР по две эскадрильи на каждой базе с ротацией на весь период боевых действий».

«Ой-вэй... – напрягся Алон. – Получается, Марина права – Штаты что-то затевают против Ирана... Ираку тоже достанется. А всю заварушку подадут под соусом «установления мира в Персидском заливе». Знать бы, когда наступит день «К»...»

Подлетел Юваль, выставил кофе в белой фаянсовой чашке, а в ажурной вазочке – пирожное, и улетел, незаметно прихватив смятое донесение Кахлона. Сервис...

Рехавам пригубил горячую «кахву», черную и до того крепкую, что напиток казался вязким.

– ...Нет, Джорджи, – донесся негромкий голос седоусого американца по соседству, – оперативную группу ВВС, которая, собственно, и выполнит основную работу, составит мое 401-е крыло – на Ф-4Е. Мы развернем его, максимум, за три дня – здесь и в Эрзуруме.

Алон продолжал смаковать кофе, рассеянно глядя в окно, и четко представляя себе штабовца – в полковничьем мундире со всеми онерами.

– Да я не против, – хмыкнул розовый от солнца сосед седоусого. – Просто... Неплохо бы прикрыть турецкую границу «тяжелым» корпусом – нам же меньше мороки в случае ответки... Или 5-й корпус перебросить из Западной Германии, или... не знаю... ну, 3-й...

– Тут не скажу... – затянул седоусый. – А мобильные соединения задействуем точно. 1-й экспедиционный батальон морпехов перебросим на «Тараве», 2-й – на «Сайпане». И обязательно подключим 18-й воздушно-десантный.

– А вот это правильно! – оживился полноватый. – Корпус – по воздуху?

– Нет, переправим морем...

«Ага! – порадовался Алон. – XVIII ВДК... Морем – это тридцать пять – сорок дней...» Неожиданно нарисовался Юваль, и полковник досадливо поморщился.

«Как же ты не вовремя, дружок!»

«Официант» мимоходом поклонился, оставляя счет, и «бей-эфенди» глянул, по-стариковски внимательно и строго. Под суммой стояла корявая приписка:

«На базу прилетел угнанный «Ил-76». Среди пассажиров – Марина».

Аккуратно сложив листок, полковник достал бумажник и отсчитал несколько лир. Нахлобучил шляпу, подхватил тросточку и степенно покинул заведение.

В узком переулке его догнал Кахлон.

– Русских – семеро, – доложил он вполголоса. – Я узнал Марину, Вайткуса и Рустама с... Омаром... Нет, того зовут Умар.

– Немедленно свяжись с КГБ, и сообщи им, – приказал Алон. – А заодно передай Ершову в Багдад, чтобы знал, где его «Мармарин».

– Будет исполнено, рабби, – почтительно поклонился Ариэль.

– Да, и скажи ребятам, пусть будут готовы. Чую, придется сворачивать наш «бизнес»...

В этот самый момент над Инджирликом замерцало бледно-фиолетовое сияние, и ахнул гром, похожий на близкую канонаду. Потрясенный Рехавам схватился за стену, чтобы устоять под воздушной волной, но та накатилась слабым порывом, донося грозовой запах ионизации.

«Двадцать пять подземных чертовых хранилищ... – мелькнуло у него. – И в каждом – по две пары чертовых атомных бомб...»

– Чисто, рабби! – возликовал Ари, показывая толстую ручку-дозиметр.

– Чуйка меня не обманула, – взбодрился полковник. – К дьяволу ресторацию! Ищем русских!

Глава 5.

Воскресенье, 26 октября. Полдень

Турция, Инджирлик

Грузовик с ревом пожирал километры пути. Я направлял его куда-то на северо-восток, туда, где на карте изгибался Евфрат. Глаза искали убежище, и легко находили его – на севере вставал хребет Центрального Тавра. Юркнешь в глухое ущелье, где неба – синяя ленточка, и нет тебя, пропал. А нам надо пробиваться на восток, к озеру Ван и еще дальше, на границу с Ираном, затерянную между диких гор.

Шансов было мало. Похоже, что «чертовы казахи» угнали самолет по собственному хотению, а не по велению дядей из ЦРУ. И американцы, если их прижать, возмутятся: «Не виноватые мы! Они сами прилетели!»

И дипломаты, хоть и поджав губы, отступятся. А кто еще на помощь придет? Военные? Ага, наши высадят десант в стране НАТО... Учинить войнушку ради спасения пятерых граждан СССР? Мило.

Нет, Марина права – вся надежда на Ершова и его курдов. Вот только до Курдистана еще пилить и пилить...

Поверху со свистящим рокотом пронесся вертолет «Хьюи-Ирокез», за ним еще один. Вертушки летели над самым шоссе, сдувая пыль с осевой.

– Они перекроют нам дорогу! – закричала Рита, гневно сжимая кулачки.

Я вертел головой, но... Ни свернуть, ни обогнуть.

Внезапно от обочины справа потянулась грунтовка, уводя за вздыбленные холмы плоскогорья. Резко выкрутив руль, я согнал пятитонку с гладкого асфальта, и М-809 затрясся по турецким ухабам.

Когда грузовик таранил ворота авиабазы, во мне жила чуть ли не абсолютная уверенность в окончательной победе, но сейчас, наоборот, росло и крепло понимание – мы проиграли.

Вся эта пиротехника со спецэффектами или убийственный мордобой хороши в голливудском суперблокбастере, а реал куда грубее и сучней, здесь частенько побеждает зло.

Да я даже не знаю, куда так резво веду машину! Уловив в зеркальце заднего вида блеск хлещущих лопастей, Рита охнула:

– Сзади! Миша, они сзади!

Мои руки, как по команде, завертели баранку, и грузовик, качаясь и подпрыгивая, вынесся в тесную долину. Скрежет гальки на бережку извилистого ручья, рев двигателя, отражавшийся от травянистых круч, смешались с грохочущим сверстеньем винтов.

Я даже испытал стыдное облегчение, когда пара вертолетов зависла впереди, разметая пыль и прелую траву. За сдвинутыми дверями «Ирокезов» скалились морпехи, поводя шестиствольными пулеметами.

– И сзади тоже! – застонала Рита.

Перебивая рык и вой моторов, грянул металлический глас с небес:

– Уок аут вис юр хэндс ап!

– Выходим, – буркнул я, пряча глаза. – С поднятыми руками...

Вторник, 28 октября. День

Нью-Йорк, Сохо

Вакарчуку было проще, чем прочим гонимым – в свое время он скупил добрый десяток квартир, разбросанных по всему Нью-Йорку, от Лонг-Айленда до Манхэттена. Вот на одной из таких «явок» они с Чаком и затаились. На ночь.

А с утра вышли на тропу войны. Призрак Медведя взял на себя разведку, и убыл в Покан-тико-Хиллз, а Степан направил стопы в Сохо, в район чугунных зданий и модных баров, где крикливая богема пропивала скудный заработок, хвалясь сомнительными талантами.

Брайен Уортхолл, почтенный богатея, как бы исчез – Стивен Вакар натянул порядком заношенные джинсы и кожанку, чтобы раствориться среди местного населения, побрился, и будто помолодел. Хотя, ему ли печалиться о минувших годах?..

«Вальтер» за поясом успокаивал не особо, но и всемогущества «жирных котов» бояться не стоило. Безусловно, большие деньги – большая власть, но, чтобы держать под контролем огромный мегаполис, никакой армии не хватит.

Нарочно не оглядываясь, Степан сбежал по ступенькам в паб «Аэроплан» – сюда частенько наведывались старые летчики, чтобы за пинтой свеже сваренного пивка предаться воспоминаниям о боевой молодости.

Как их «летающие крепости» бомбили наглых «джерри», захававших пол-Европы! А как они сживали со свету корейцев, пересевших с рикш на реактивные «МиГи»! Правда, и их самих били изрядно, но точно не парнишки Ким Ир Сена, а русские...

Вакарчук кивнул бармену и, сдув пену с тяжелого бокала, неторопливо двинулся вглубь уютного полуподвальчика, под потолком которого качался на цепях самый настоящий «Нью-пор», слетевшей сюда с небес Первой мировой.

За отдельным круглым столиком сидел выдающийся экземпляр ушедшей эпохи – плотный старикан, налитой здоровьем. Лысый, но с окладистой бородой, свирепо пошевеливая мохнатыми бровями, он больше всего смахивал на патриарха байкеров – кожаная косуха как будто указывала на страсть к мотоциклам. Однако Нолан Майер презирал двухколесное братство – его тянуло в небо.

– Мистер Майер? – зажурчал Степан, присаживаясь. – Вы позволите?

– Так ты ж уже сел! – добродушно фыркнул старик. – Гнать тебя, что ли?

– И то правда, – Вакарчук нацепил самую обаятельную из своих улыбок.

Майер глянул на него, щуря крохотные синие глазки, и засопел.

– А откуда это ты меня знаешь?

– Считайте меня ангелом! – ухмыльнулся Стивен. – Нам, пернатым, положено ведать о человеках... Нет, если серьезно, то я давненько приглядывался к вам, мистер Майер. А подсесть сегодня заставила одна нужда... Ага, я вижу, вы не из тех, кто терпит пустую болтовню!

– Эт-точно, – проворчал Майер, и милостиво сказал: – Можешь звать меня Нолан.

– Стивен, – протянул руку Вакарчук, и его визави крепко пожал ее. – Просто я, понаблюдав, сделал пару выводов. О ваших мечтах, которые вы записали в несбывшиеся. Например, о полетах...

– Слышь, ты, ангел небесный!.. – разозлился Нолан.

– Я могу исполнить оба ваши желания, – хладнокровно договорил Степан.

– Оба? – из-под нахмуренных век сверкнули голубенькие глазки.

– Я здесь потому, что вы первоклассный пилот, – раздельно проговорил Вакарчук. – И потому еще, что вы дважды пытались убить Дэвида Рокфеллера.

Майер сгорбился, а лицо его обрюзгло.

– Мой сын, – хрипло вытолкнул он. – Я продал машину и дом, чтобы Сэмми выучился, и мой мальчик преуспел! Мы с Мэри в шутку называли его «банкиром» – его взяли в «Чейз Манхэттен бэнк»... А потом... – Нолан налился кровью и тяжело задышал. – Сэма подставили! Стянули деньжата, а всё свалили на моего мальчика! Сэм прорвался к этой... к этому... к боссу, а тот его выставил. Обобрал до нитки, и выгнал! Жenuшка, эта крашенная вертихвостка, бросила Сэма. Он запил, а потом... Сэмми шагнул в окно с тридцатого этажа. Я их похоронил в один день – Мэри не пережила, сердце не выдержало...

Степан положил ладонь на сжатый кулак Нолана.

– Этого уже не исправишь, – сказал он с той мягкостью, что прикрывает жесткость. – Но в моих силах помочь вам отомстить. И за сына, и за супругу.

– Тебе-то зачем? – отвернулся Майер, стыдясь откровенных слов.

– А у нас с Рокфеллером война, – криво усмехнулся Вакарчук. – Однажды его киллеры выследили меня, но я ушел. Только вот прятаться не собираюсь. Скажите сразу: вы по-прежнему полны решимости, и готовы воздать?

– Да! – выдохнул пилот, витиевато «зафакав».

– Тогда слушайте. Охрана в резиденции Рокфеллеров – отборная, но натасканная против обычных угроз. Снайперу не подобраться к «Хадсон-Пайнз», где проживает Дэвид Рокфеллер, но вот воздушный налет им отразить нечем!

Майер тяжело закричал.

– Стив, я даже во Вьетнаме не летал, – глухо выговорил он. – Вся эта реактивная хрень – не для меня...

Вакарчук тонко улыбнулся.

– «Тандерболт» сорок третьего года вас устроит?

– Да! Да! – глухо воскликнул Нолан, всякий раз подпрыгивая на стуле. – Да!

– Тогда слушайте...

Пятница, 31 октября. Утро

Штат Нью-Йорк, Покантико-Хиллз

Покатые холмы радовали зеленыю, как летом, а живописные перелески будто сбегались на водопой к синей полоске Гудзона, отражавшего осеннее небо.

Не имея слов, чтобы выразить свой восторг, Нолан Майер затряс головой и глухо захохотал. В тесной кабине «Тандерболта» смех потерялся, но все равно – прогресс. Когда он смеялся в последний раз? А как раз перед похоронами...

Лицо пилота застыло, обретая хищное выражение. Нет, нельзя сказать, будто он ненавидит хозяина «Хадсон-Пайнз». Ненависть – это ярость слабых, а его никто еще не равнял с дрисливыми задохликами.

Майер сощурился. Видел он однажды фильм... Название забылось, а играл там Аль-Пачино. И вот его герой сказал очень и очень верные слова: «Жертвы имеют право на справедливость».

– Всё будет по справедливости, Сэмми... – выговорил Нолан непослушными губами. – Мэри...

Ну-ну... Не раскисай, старикашка! Ты погляди только, какая машина! Сорок лет, долгих сорок лет не довелось тебе слышать грозный гул мотора, позванивавшего на высоких оборотах, не ощущать дрожи, что пронизывает аппарат – и словно одушевляет истребитель-бомбардировщик, старенький «Джаг»!

Майер любовно погладил близкий борт. Он не стал перегружать самолет. Трех бомб и бака с напалмом вполне достаточно. Ну, и эрэсы навесил, куда ж без них...

– Приготовиться, пилот, – скомандовал Нолан, и мягко подал рычаг управления от себя.

«Джаг» послушно заскользил, как с горки, снижаясь. Понесся на бреющем, незаметно пересекая границу имения Рокфеллеров.

«Хадсон-Пайнз»!

Большой дом под старину завиднелся вдали, и Майер развел губы в мрачной усмешке. Сначала пара очередей...

Восемь крупнокалиберных пулеметов «Кольт-Браунинг», прятавшиеся в крыльях, задолбили разом – огненные росчерки трассеров уносились, сходясь в точке перспективы – на усадьбе. Пули толщиной с палец гвоздили стены, раскалывая кирпичи, вынося окна и трепля крышу.

«Добавим огоньку!»

Реактивные снаряды с шипением сорвались с направляющих, распуская дымные хвосты. Лимузин у входа вспух клубом пламени, посыпались тесаные камни фасада...

Ручку на себя!

«Джаг» плавно набрал высоту, одновременно закладывая вираж. Ага, кто-то выбежал из особняка...

– С горячим приветом! – усмехнулся Майер.

Три увесистых авиабомбы унеслись к земле, вихляя стабилизаторами. Самолет качнулся, облегчившись, и понесся, описывая круг.

«Подарочки» рванули убийственным трио, раздувая облака огня и дыма. Снесло стены... Ага... Последний штрих...

Вниз ухнул бак с напалмом. Копотная хлябь жаркого пламени вспухла, накрывая развалины «Хадсон-Пайнз», испепеляя всё живое, что могло случайно уцелеть.

– Вот так, Сэмми... – вымолвил Нолан. – Вот так, сынок...

Вертолет, закручивавший винтом воздух, он заметил случайно. Винтокрылая машина поднялась с лужайки у дворца «Кайкит». Ну, истреблять весь клан не стоит, он не убийца. А этот «Алуэтт»...

На вертолете зацвели крестовые злые огни – две очереди прошли ниже «Тандерболта».

«А вот я не промахиваюсь, с-стрелок!» – мрачно улыбнулся Майер.

Хватило четырех стволов – рой пуль калибром 12,7 миллиметра порвал «Алуэтт». Отгрыз французской вертушке хвост, и та закрутилась, закувыркалась горящим комом изувеченного металла и растерзанной плоти.

А «Джаг» плавно набрал высоту.

«Отбомбился!» – улыбнулся Нолан, и вольно вздохнул.

На его душу снизошел покой.

*Среда, 5 ноября. День
Инджирлик, Сарычам*

Тюрьму из бетонных блоков построили турки – за территорией авиабазы. Американцы пришли на готовенькое, и переделали по своему образу и подобию. В камерах не осталось решеток, а узкие окна заделаны толстыми стеклами, хоть кувалдой их охаживай.

«Зато унитаз из нержавеющей!» – тускло улыбнулся я.

Неделя в заключении не тянулась, как жвачка на морозе. Монотонная череда дней и ночей прошла незаметно. Нас даже не допрашивали. Так только, отпечатки сняли, сфотали, документы отксерили...

После «косметического ремонта» мне выдали паспорт на имя Ивана Жилина, но вот «пальчики» мои остались теми же. Неужто в ЦРУ не озаботились снять их? Возможностей у них было до фига. И больше.

А директор тюрьмы, пухлый от жира янки, не зря нас страшал – вот, дескать, прилетят по вашу душу мальчуганы из Лэнгли, и расколется, запоете, выложите всё, что знали и не знали!

Хорошо, хоть девчонок поместили в отдельную камеру – здесь, за стенкой. Я с ними перестукивался по вечерам, когда у вертухаев смена. Просто так колотили кружками, и слушали ответ, лишь бы убедиться – все на месте, живы и здоровы.

Эмоции унялись быстро, стоило мне стать «бездомным и смиренным». День-ночь, сутки прочь.

Жестокая ярость, стыдное ощущение позора и собственной беспомощности – всё схлынуло. Впрочем, я не размяк, и решимость моя никуда не делась – она трансформировалась в терпеливое ожидание. Нужного момента, нужного человека, нужной ситуации...

Громко, грубо забрякал замок, распугивая мысли. Стальная дверь пропустила в камеру Гассана, турка в американской форменке. Недобро глянув из-под сросшихся бровей, вертухай шевельнул усами, и буркнул:

– Кам аут. Фор интеррогейшен.

Его английский звучал, как у неуча в пятом классе.

– Якши, – лучезарно улыбнулся я.

– Кам аут, – хмуро повторил Гассан, и неуклюже развернулся на пороге, открывая спину.

Убить? Да легко. Перешибить шею, и всего делов. Отобрать пистолет... Ага. А потом что?

Я-то, допустим, сметаюсь отсюда, а наши как? Это в глупом боевике всё легко и просто – режиссер опускает нудные детали. А в реале побег «на рывок» заканчивается меткой стрельбой охраны по движущимся мишеням...

Турок провел меня по всему этажу, длинным полутемным коридором, мимо запертых дверей с номерами, и мягко втолкнул в кабинет, обставленный более чем спартански – стол да пара стульев.

За столом сидел Джек Даунинг. Я сразу узнал его, да и директор ЦРУ несколько не постарел за минувшую пару лет. Все такой же свежий и невозмутимый, одетый без особого вкуса, в общем стиле «белых воротничков».

– Присаживайтесь... Миша! – сказал он на чистом русском, и довольно улыбнулся.

– Все-таки в Си-Ай-Эй нашлись мои отпечатки, – кивнул я своим мыслям, внешне сохраняя невозмутимость.

– О, да! Цэрэушные досье всегда в полном порядке, – Даунинг навалился на крепкий стол, обычный кухонный, за которым обедают в малогабаритных квартирах. – Но узнал я вас по глазам – снимал хороший фотограф. И в одном вы можете быть спокойны, Миша – во всей

Турции я один знаю, кто таков Иван Жилин. Информацию по миссии «Новус» не передадут в общий доступ еще лет сорок.

– Это утешает, – серьезно ответил я.

– А вы все такой же... Ироничный – и жесткий, словно напружиненный, – директор ЦРУ снова откинулся на скрипнувшую спинку стула. – Скажите... А вы можете меня убить? Вот прямо сейчас?

– Могу, но чего для? Зачем создавать новые проблемы, когда старых – выше крыши?

– Ага... – сделал для себя вывод Даунинг. – Вы и честны по-прежнему. Признаюсь, я принимал вашу откровенность за наив. Пока не понял, что правдивость экономит русским силы...

– Сила в правде, – усмехнулся я. – Послушайте, Даунинг... А к чему вам вот это все? Вчера выбрали нового президента, и он не тот, кто нужен вам. Да и нам тоже. Рейган – бойкий балбес. Не государственный муж, думающий на поколение вперед, а дешевый политикан, которому лишь бы срок отбыть. Он подсадит Америку на долги... Впрочем, ни мне, ни вам не интересны подробности конца эпохи Рах Americana! Ближайшее будущее куда занимательней... Форд уже списан, сейчас по Белому дому ковыляет «хромая утка». Но и вам не удержаться – Ронни посадит в ЦРУ своего человечка.

– Да, – спокойно кивнул Даунинг, внимательно глянув на меня. – Я не ожидал, что богатейшие кланы объединятся – и возьмут верх над «координатором».

По-видимому, он проверял меня на осведомленность.

– На то и стая, – ухмыльнулся я. – Надеюсь, им хватит ума не устраивать междоусобиц в борьбе за трон.

– Могу поделиться секретной информацией, – Джек отзеркалил мою ухмылку. – Кто-то выкупил музейный самолет времен Второй мировой, и разбомбил имение Дэвида Рокфеллера. От самого миллиардера и прислуги мало что осталось.

– Ergo, как говорили римляне, «координатор» жив, и дает сдачи.

– То есть, вы не знали, что всё произойдет именно так?

Лишь теперь я понял настойчивость «следователя», и затыкнул:

– Ах, вот что вас интересует... Нет, Джек, не знал. Всё мое «послезнание» истощилось еще год назад, если не раньше. Микроскопическое воздействие на реальность возвело в степень последствия. А предсказывать будущее не может никто – слишком велика масса случайностей, которые следует учесть. А ведь они еще и интерферируют между собой, эти случайности, затухают или множат вторичные события... Восьмого декабря Марк Чепмен должен, вроде, застрелить Джона Леннона... Но случится ли это злодеяние? Понятия не имею.

Даунинг медленно поднялся, и заходил по допросной, сложив руки за спиной. У окна он приподнялся на носочках, выглядывая на улицу, и невесело хмыкнул:

– А ваши друзья постоянны... Даже завидно.

Наверное, у меня на переносице образовалась складочка, до того я свел брови.

– Вы о чем?

– Я прилетел еще вчера, Миша. Сидел тут, разбирался с вашим делом... Даже за гибель солдат винить вас нельзя – не полезли бы, куда не надо, не было бы умертвий. Я прав?

– На все сто, – твердо ответил я, гадая, к чему клонит Даунинг.

А тот обернулся, усмехаясь кривовато, и проговорил:

– Самолет угнан националистами, пассажиры не оказали сопротивления... Что делать?

– Доставить нас в аэропорт, – быстро подсказал я, – и отправить на родину!

Директор ЦРУ печально вздохнул.

– Да, это самое разумное, но ни Пентагон, ни Белый дом на это не пойдут. А вдруг они разговорят советских ученых, и визнают военные тайны? Или, хотя бы, вынудят «выбрать свободу»? – он помолчал, опять подглядывая в окно. – Так и кружит, так и кружит... Я их с вечера

наблюдаю... Всю команду этого хитроумного иудея, что вытворяют дела, непозволительные даже ЦРУ!

– Вы о ком? – изобразил я озадаченность.

– О Рехаваме Алоне, – на губах у Даунинга мелькнула понимающая улыбка. – Да, это будет оптимальный вариант... – протянул он, и заговорил с деловитой резкостью: – Поступим таким образом, Миша. Завтра утром всех вас погрузят в автозак, и повезут... Ну, скажем, в Мерсин, чтобы морем этапировать... Ну-у... К примеру, в Гуантанамо. По дороге автобус сделает остановку в Тарсе... где его встретит Алон и его команда! Желательно нейтрализовать водителя и охрану без жертв. М-м... Об этом я переговорю с полковником... А затем вы продолжите путь, Миша, но уже в компании друзей и товарищей. Хм... Если мои глазастые информаторы правы, в порту Мерсина отшвартована яхта «Зоар». На этой посудине Моссад не однажды перевозил беглецов, тайных агентов, а то и конвоировал пойманных нацистов.

– Спасибо... – растерялся я.

– Не за что, – усмехнулся директор ЦРУ. – Только не думайте, что я, как это у вас выражаются – перековался. Нет. Просто для Америки самый достойный выход из создавшейся ситуации – сделать вид, что ничего не происходит. Вы сами прилетели, и сами... куда-то подевались. А мы тут ни при чем! Но все же... – он сверкнул зубами. – Удачи вам, Иван Жилин!

Четверг, 6 ноября. Утро

Инджирлик, Сарычам

Ночь выдалась прохладной, и все с большим желанием вышли на обширный тюремный двор. Свежий воздух наполнял наши легкие надеждой, и остужал особо горячие головы. Впрочем, мне удалось перебраться парой слов с Рустамом и Умаром.

Ровно в восемь разъехали громыхающие ворота, и показался чисто американский «воронок» – обычный автобус, бело-синий «Блю бёрд», только с редкими решетками на окнах.

– Гет ан зе бас! – бурчливо скомандовал Гассан, и мы в точности исполнили приказ.

Я пропустил сияющую Ритку к окну, и примостился рядом.

– Говорила же! – жарко зашептала она. – Всё будет хорошо!

Двое здоровых автоматчиков уселись впереди, накачанными челюстями перемалывая целые комья «Ригли». Зафырчав, наш автозак тронулся.

Осталась позади тюрьма, растаял в дымке Инджирлик...

Свобода?..

* * *

Я был до того напряжен, что достопримечательности древнего Тарса скользили мимо моего внимания. Кроме «Ворот Клеопатры» – у древней полуразваленной арки наш автобус остановился. Водитель и оба охранника, потягиваясь, вышли покурить под сень перистых пальм... И тут же нарисовалась гвардия Алона.

Ариэль и Юваль будто проявились из светотеней, молниеносно укладывая на травку жвачных здоровяков. Водитель сам задрал руки, не сопротивляясь злу, а в автобус вбежал Ливлат Цион.

– Шалом! – заорал он, шлепая ладонью в мою пятерню. – выходим по одному! Ха-ха-ха!

– Етта... До чего ж приятно видеть знакомую рожу! Здоров, полковник!

Рехавам Алон во всем белом, смеясь, пожал руку Ромуальдычу, и бережно принял ладошку Марины.

– Мадам, не обессудьте! Ваш супруг поставил на рога весь Курдистан, но мы-то были рядом!

– Не извиняйтесь, рабби! – засмеялась «Росита». – И мы все еще в тылу вероятного противника.

– Едем!

Мы набились в два гигантских «Кадиллака», пластавшихся под пальмами, и покатали, набирая скорость. Рита сидела рядом со мной, с другого боку зевала Ядвига. Напротив, на откидных сиденьях, дремали Рустам с Умаром. Курчавый Гилан вел машину, болтая с Вайткусом.

Всё было хорошо, и даже лучше! Точно так, как я заклинал судьбу, но некое внутреннее напряжение мешало расслабиться, не позволяло доверять миру вокруг.

«Дай бог, чтобы все, происходящее с нами, осталось лишь приключением, о котором мы будем с улыбкой вспоминать после! – молился я. – Аминь!»

Глава 6.

Пятница, 7 ноября. Раннее утро

Оман, полуостров Мусандам

Остроносая дау резво пересекала Ормузский пролив, словно убегала – попутный ветер влажно шелестел, наполняя парус-сетти. Контрабандисты дрыхли на палубе, подложив под головы ковровые сумки с гашишем и золотишком – нестройный, разноголосый храп причудливо ложился на мерный шум волн.

Лишь капитан в стеганом халате и захватанном тюрбане стоял у руля – Черный Абдулла напоминал Шукину потасканного, обносившегося Синдбада-морехода. Борода придавала улыбке капитана зловещий очерк, а жгучие глаза таили плотоядную шакалью натуру. Правда, с Шуриком Абдулла не торговался, цену за проезд запросил умеренную – уважил «хаджи».

Шукин тихонько вздохнул. Когда начальник 2-го отдела вызвал его к себе и долго, в самых туманных выражениях, расписывал сложную ситуацию в Персидском заливе, Шурик ничего не понимал, вообще. Только кивал, порою вставляя смутное «А-а... Ну, конечно...» Да, дескать, империалисты ни за что не расстанутся с арабской нефтью. Разумеется, будут пакостить, они такие...

А вот, когда Капитон Иваныч поинтересовался, правда ли, что оперуполномоченный Шукин владеет арабским и фарси, до опера стало доходить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.